

Таня Некрасова

ИСПЕПАЮЩИЙ МИРЫ

На расколе миров

Таня Некрасова

Исцеляющий миры. На расколе миров. Часть 2

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=72001108

SelfPub; 2025

Аннотация

Что вы будете делать, если однажды утром обнаружите, что выходите замуж?

... Замуж за мужчину, которого даже не знаете! Конечно же, бежать! Габриэль Феннис, коротающая свою скучную жизнь неудачницы в тихом британском городке Станвелле, так и поступила. Побежала за советом к специалисту по странностям.

Черт возьми! Что это еще за Майкл такой? И нет, крушение НЛО ни в коем случае с ним не связано! И странный серебристоволосый парень, бросившийся под машину, никакого отношения к безумному утру Габриэль тоже не имеет. Так ведь? Стоп. НЛО???

16+

Роман в жанре научная фантастика «Исцеляющий миры» расскажет вам о закономерностях судьбы и о том, как она может влиять на людей, пришельцев и маленьких вредных зверьков. И это во Вселенной, где ничего не случается просто

так! Непредсказуемый сюжет, сверхсущества, спасение мира и, конечно, немного английского юмора!

Книга попала в лонг-лист конкурса научно-фантастических романов на Author Today "Технология чудес".

Содержание

Глава 1. Преображение	6
Глава 2. Похороны	18
Глава 3. Церковь на Гринвелли	27
Глава 4. Похищение	40
Глава 5. Заточение	53
Глава 6. Оправдания	66
Глава 7. Чудовище и ведьма	79
Конец ознакомительного фрагмента.	91

Таня Некрасова
Исцеляющий миры. На
расколе миров. Часть 2

Глава 1. Преображение

– Габриэль, хватит улыбаться! Ты не выглядишь подозрительной! – Пенни стояла на пожарной лестнице своего дома на высоте второго этажа с фотоаппаратом в руках, чтобы создать естественный ракурс, который она называла «папарацци».

– Хорошо-хорошо! – Габриэль помахала ей снизу. – Мне сделать лицо *такое*, – бросила она в камеру загадочный взгляд, – или *такое*?

– Ты пытаешься изобразить злость? – догадался Адам, держа позицию справа от Габриэль. Кикки за пазухой его пиджака забавно верещал. – Нереалистично.

Инопланетный зверёк высовывал свой острый красный носик, задушенный тесными объятиями ксионца.

– А сам-то! – Габриэль промяла пальцем карман на груди Адама, переводя стрелки: – Ты должен выглядеть осторожно-настороженным!

– *Так?* Или *так*?

– Твое лицо ни капли не меняется!

– Габриэль, не надо скрещивать руки! Вы вроде идете и что-то ищите! – Используя мокрые перила как фиксатор для камеры, Пенни попробовала взять другой ракурс.

– Куда мне тогда их девать?

– Может возьмёшь в руки Кикки?

Кикки будто понял, что к чему идёт. Он вточил полный презрения взгляд своих бусинок глаз на Габриэль, которую в свою очередь всю перекашивало от перспективы держать этого чудо зверька у себя. Запястье под пластырем ошпарила боль – напоминание об укусе и ядовитых клыках кропуса.

– Никогда в жизни! – отчеканила она, стремительно бледнея.

Кикки зубоскально растянул щеки, его белоснежные усики щекотливо зашевелились, будто он беззвучно посмеивался.

– Вы видите, видите? – Габриэль топнула кроссовком. – Он насмехается надо мной!

– Это всего лишь зверёк, – улыбнулся Адам, потрепав Кикки за щеку, на что тот блаженно завибрировал.

Кикки насмешливо вильнул хвостом, воспользовался сумятицей и перебежал на спину Адаму, где его было трудно достать. Дырявя восьмью когтистыми лапами костюм, он показал Габриэль язык.

– Ах ты!..

Пенни резко одернула камеру и замычала, словно ребенок, чьи игры никто не воспринимает всерьёз. Она быстро прискакала к своим «моделям» и громко отчитала их:

– Вы безнадёжны! Вы оба! Вы что никогда не смотрели триллеры?

Пенни сняла с Адама кропуса и посадила себе на плечо. Скромная и нерешительная, она вдруг вошла в образ, преоб-

разив свое детское личико в нечто совершенно злодейское. Глаза ее погасли и глядели на своих друзей отстранено и пренебрежительно. Светлые локоны создавали загадочную тень, подчеркивая взгляд и зрительно углубляя мягкий рельеф скул. А когда треснула зловещая ухмылка, пышные розовые губы немного запали вовнутрь и стали казаться чуть тоньше, придавая образу скрытности.

Чудище! – посинела Габриэль от страха. – Верни нашу Пенни, пожалуйста.

– Вот этого я и хочу от вас! – Теплейшая улыбка растопила лёд в лице Пенни, и та вновь сделалась милой. – А теперь попробуем ещё разок! Не подведите меня!

Пенни весело поднесла камеру к глазам, но вместо того, чтобы сфотографировать друзей, озадаченность которых пошла позированию на пользу, внезапно опустила фотоаппарат и оборотилась себе за плечо, разметав неукротимые нити волос по лбу. Пока она высматривала в окнах дома что-то, смысл чего сама не понимала, губы её укладывались в суровую линию. Адам и Габриэль сперва решили, что мастер-класс «Как быть злодеем» продолжается.

– Ты в порядке? – обеспокоилась Габриэль, когда странное поведение подруги затянулось по времени.

– Показалось! – Пенни увела ту на пару шагов назад, чтобы выстроить рядом с Адамом в единую композицию: – Вот так! Адам, встань полу-боком. Ага. Нормально. Всё. Забудьте. Хотя стойте! – Она подтолкнула Кикки, повисшего у неё

на шею шарфом. Зверёк, перескочив через Габриэль, занял своё место на руках пришельца. – Так-то лучше!

Пенни побежала на лестницу, перепрыгивая лужи. Навязав себе мысль, что за ними кто-то следит, она уже не могла от неё отделаться.

Спустя пару часов фотосессия завершилась, и вся компания собралась в гостиной дома Уоткинсов. Хелен Уоткинс тоже присоединилась. Она принесла Кикки тарелку очищенных фруктов и убедила других в том, что без ее присутствия зверёк плохо ест. Кропус опровергающе пискнул. На самом деле миссис Уоткинс просто хотела поучаствовать в затее дочери и ее друзей. Габриэль с кислой физиономией сидела в кресле за ноутбуком и хаяла саму себя:

– Уродство... Ну и ноги... А это что?! – Курсор на мониторе автоматически потянул фотографию к иконке «удалить». – Это же надо было так сфотографировать! Я всё удалю. Фотографируемся заново!

– Нет! – Пенни перехватила ноутбук. – Не смей, Габриэль!

– Но это же кошмар какой-то!

– Так надо! Это естественный ракурс! Если снимки будут чересчур модельными, то офицер Фицман не поверит нам. Он должен думать, что я сфотографировала вас издали, тайком, понимаешь?

– Отдай мне ноутбук! Я такое никуда выставлять не буду!

– Адам, ну скажи ей! – Пенни подступилась к восседаю-

щему на диване Адаму, разя мольбой: – Пожалуйста!

– Что мне ей сказать? – не понял тот.

Пенни надулась, стесняясь говорить напрямую.

Знающая толк в коммуникациях миссис Уоткинс поспешила дочери на помощь. Она притиснулась к пришельцу, спугнув задремавшего у неё на коленях Кикки. Адам, чьи личные границы были жестоко нарушены, совсем уж по кошачьи ощетинился на неё.

– Скажи Габриэль, что на всех фото она получилась красиво! – шепнула она повелительно ему на ухо.

Пенни настойчиво закивала, выражая согласие.

Окольцованному Уоткинсами Адаму ничего не оставалось, кроме как покинуть насиженное место и пристать к приунывшей Габриэль с ноутбуком. Окинув взглядом фотографии, он не нашёл слов лучше, чем честное:

– Нормальные фотографии. Солидарен с Пенни – выглядят натурально.

Габриэль, которая в душе ожидала иного, с силой наступила Адаму на туфлю.

Претерпевая боль в ноге со стойкостью оловянного солдата, пришелец беспомощно покосился на Уоткинсов. Но с их стороны одобрения он тоже не сыскал. Пенни, как не в себе, качала головой, а её мать отпечатывала у себя на лице свою ладонь, громко прицокивая языком.

Габриэль, чувствуя, что вокруг неё разводят какой-то глупый спектакль, отложила ноутбук и выпрямилась:

– Ладно, с фотографиями потом порешаем. Пора собираться.

Адам вопросительно вскинул брови.

– Уже почти два. Нужно успеть прибыть на кладбище к началу четвёртого.

– Понял, – отвечал тот, точно на приказ.

– Тебе не обязательно идти, Адам. – Габриэль укрыла себя руками. – Смерть профессора Нортонна наделала столько шума, что на похороны зайвится чуть ли не весь Станвелл. Это, – вздохнула она, поднимая глаза на пришельца, – не безопасное место для тебя. Ты хоть и похож на человека, но внимание всё равно привлечешь.

– Почему? Чем?

– У людей не бывает серебристых волос. И твои глаза... любой маломальский знаток косплея скажет, что это не линзы... А там такие найдутся, поверь мне.

– Но я не могу отпустить тебя одну. – Адам похмурил, озадаченный решением, которое всё никак не приходило ему на ум.

– Тогда! – Миссис Уоткинс потирала руки, предвкушая развлечение, о коем ксионец и не подозревал. – Мы изменим твою внешность!

– Время преображения! – поддержала её дочь.

– Пенни, тащи чемодан для вечеринок в мою спальню! А я... – Женщина плутовато разулыбалась. – Поташу Адама!

Примерно через четверть часа, припечатанный к стулу

Адам, сумел открыть глаза. До этого ему мешали это сделать облака пудры, которую щедро сыпала ему на лицо миссис Уоткинс, а также распылитель Пенни с сухой краской, который, заканчиваясь, неприятно покашливал над ухом.

Когда всё было готово, Пенни принесла прищельцу зеркальце, и тот себя не узнал. В отражении на него смотрел человек с тёмными как тальк волосами и густыми чётко очерченными бровями. Круглый датчик на виске был перекрыт толстым слоем грима и ничем не выдавал свою кибернетическую природу.

Миссис Уоткинс стянула с плеч Адама клеенчатую ткань, которую постелила, чтобы не запачкать одежду, и преподнесла ему коробочку с цветными линзами.

Пришелец принял их, вознамериваясь скорее покончить с пыткой. Но миссис Уоткинс останавливаться на этом не планировала.

– Ты пойдёшь на похороны в этом? – долгим оценивающим взглядом она давала понять, что в его сером костюме что-то не так. – Так не пойдёт! Надо переодеть тебя во что-нибудь траурное!

Пенни, жалостливо смеясь, выскользнула из комнаты.

– Удачи, – бросила она и сгнула с порога, заставив Адама напрячься до нервного тика.

Много времени на поиски гардероба не ушло. Миссис Уоткинс достала из платяного шкафа классический мужской костюм на вешалке.

– Боюсь, спросить, миссис Уоткинс... Откуда у вас в доме мужская одежда?

– Я взяла этот костюм в магазине, где я работаю.

– На прокат?

– Ну...

Адам взъерошился, но миссис Уоткинс заливисто рассмеялась, спеша успокоить его:

– Конечно, я взяла его напрокат, глупенький! Специально для тебя.

Пришелец был удивлён:

– Но откуда вы знали, что я пойду на похороны?

– Пенни сказала.

– Пенни?

– О! – Миссис Уоткинс в очередной раз хохотнула. – Ну, само собой, мы ей не говорили. У Пенни хорошая интуиция. Она гадает на картах и умело предсказывает будущее. Например, в детстве, когда ей было лет пять, Пенни предсказала, что мы уедем из Сассекса в Станвелл. Она была так настойчива, что не прекращала стучать каблучком туфельки об асфальт и плакать, убеждая, что так и будет, когда я и... её отец твердили, что это нам ни к чему. У нас был большой дом, мы были счастливы и ничего менять не хотели.

– Тогда что заставило вас переехать в Станвелл?

– Судьба, я полагаю, – ответила с грустью в улыбке миссис Уоткинс. – Оказалось, что я совсем не знала человека, от которого родила дочь и с которым построила семью. Он

начал сливать весь наш бюджет на азартные игры и в итоге так наплевал на все, что продал кроватку Пенни. Это было последней каплей.

– И вы...?

– ...Ушли. Потому что дом был не наш. Он достался...эм... Эндрю, – имела в виду она своего мужа, – в наследство от родителей. В тот день я вспомнила про Станвелл. Осваиваться в новом городе было тяжело, но, как видишь, мы справились! Вот только... – Мисс Уоткинс понуро вздохнула, рассматривая костюм на вешалке, будто прошлое в зеркале. – Иногда я спрашиваю себя – а правильно ли вообще поступила? Не из-за меня ли Пенни стала... *такой*?

Адам внимательно всмотрелся в профиль женщины, засвеченный тусклым светом с окна.

– И что это значит? – спросил он, чувствуя, как много сожаления миссис Уоткинс вложила в последнее слово.

– Пенни очень рассеянная, вечно витает в облаках. Из-за этой своей особенности она с трудом отучилась в колледже, из-за неё же она не всегда слышит, что ей говорят люди. У неё никогда не было друзей. Может быть... может быть если бы мы остались в Сассексе...

– Нет! – Адам твёрдым голосом отмел все сомнения. – Вы воспитали замечательную дочь, миссис Уоткинс. Вам не за что себя корить.

Миссис Уоткинс была так тронута, что едва не разлилась слезами. Но вместо того, чтобы плакать – с обожанием наки-

нулась на Адама, и выбраться из её рук было столь же невысказано, как из объятий удава.

– Спасибо, что вы с Габриэль подружились с моей драгоценной Пенни! Я вам никогда этого не забуду!

Пришелец спускался по лестнице на первый этаж – помятый, задушенный, с психологической травмой, но зато приодетый. Габриэль не сразу признала в нём своего товарища по ВУС.

– Ого, Адам! Ты будто обычный человек! – вымолвила она со всей искренностью, на какую была способна. В костюме не было ничего невероятного, он был минималистичен и выдержан в траурных тонах, чего и требовало событие. Но вот глаза и волосы Адама! Тёмный цвет превращал ксионца в другую личность, в кого-то, кто в самом деле может обдать тебя холодным взглядом. Габриэль вспомнила его лицо, когда он предотвратил убийство помешавшегося на Боге бездомных священника. Свыкнуться с обновленным Адамом Дэвисоном будет не так-то просто!

Удивление быстро развеялось, и Габриэль посмеялась – уж больно замученным тот предстал перед ней.

– Отлично выглядишь. – Нежданный комплимент заставил Габриэль поперхнуться. Она ударила себя кулаком выше груди, выбивая воздух из лёгких.

– Спасибо. Наверное. Это единственное более-менее траурное, что завалилось в моём гардеробе. Точнее... в гардеробе другой Габриэль. – Габриэль стесненно улынулась, по-

лагая, что ступор Адама вызван неуместным выбором одежды. Её и саму смущали прозрачные рукава и такой же верх у платья, мерцающий крошками серебряных пайеток – не самая траурная часть. И хотя руки были прилично покрыты, однотонный цвет и длина подолов соответствовали нормам приличия, а ажур на высоком воротничке даже смотрелся чересчур чопорно, – Габриэль была взволнована своим внешним видом. Главная причина крылась в том, что платья она не любила и носила только от случая к случаю, какие выдавались в её жизни крайне редко.

– На мне ещё будет это! – оправдалась она, влезая в чёрную незапоминающуюся куртку с бесцельно болтающимися веревочками – ту, что невесть сколько торчала на заднем сиденье «Фольксвагена», пока на улице не похолодало. – Миссис Уоткинс, вы тоже с нами идёте? – Габриэль заглянула за широкую грудь Адама, чтобы увидеть за ней миниатюрную женщину в современном костюме.

– Ну конечно! Что за вопрос!

Пенни, однако, была ещё в большем удивлении, чем Габриэль:

– А кто будет сидеть с Кикки?

– Ну не всё же мне быть сиделкой для инопланетных зверьков! И вообще... – она ухмыльнулась, – у меня есть важная миссия!

Вся троица вопросительно уставилась на неё.

Миссис Уоткинс, растягивая интригу, похлопала по го-

ловке ластящегося к её ногам Кикки, и только после ответила, наслаждаясь недоумением на лицах:

– Мне надо следить, чтобы Адам не порвал костюм!

Глава 2. Похороны

На кладбище столпилась тысяча человек. Все эти люди были мрачны в своих черных облачениях. Адам, Габриэль и миссис Уоткинс выстаивали церемонию, урвав себе место в первых рядах благодаря карточке клуба научной фантастики под учреждением профессора, в котором состояла Габриэль.

Ближе всего к могильной яме стояла кучка заплаканных людей – близких родственников профессора Нортон.

– Гроб закрытый, – вдруг произнесла Габриэль.

Адам посмотрел туда, куда ложился ее взор. Гроб из красного дуба, богато украшенный бархатом, блеснул в искрах солнца, пока четверо мужчин в шляпах погружали его в яму шести футов глубиной.

– Ещё бы... – ответил Адам, хотя фраза Габриэль никому не была обращена. – После всего, что случилось...

– Нет, ты не понимаешь! – Глаза Габриэль вспыхнули, отразив оранжеватый солнечный луч, просвечивающий сквозь серо-белую пену облаков. – Неужели ты думаешь, что в гробу лежит тело профессора? Наверняка... наверняка его забрали на опыты британские службы! Есть ли что-нибудь от него в этом гробу? А ещё все эти люди... Девяносто процентов из них даже не виделись с профессором при его жизни. Они пришли сюда как в цирк – поразвлечься. Премьер-министр официально подтвердил: гибель профессора произо-

шла по инопланетным факторам. Таким образом, это первая документально засвидетельствованная смерть от рук пришельцев.

Священник воспевал молитву богу звенящим как колокол голосом. И когда он возвестил очередное «Аллилуя», женщина с проседью в волосах, что мялась в первых рядах в кучке родственников, упала на колени и разрыдалась, словно малое дитя.

Габриэль эта сцена не растрогала. Она поджала губы, будто сдерживая ругательства. Столько лет профессор Нортон жил один-одинешенек, забытый всеми, кем только можно. Его внуки давно выросли, но он берег для них обставленные «детские» в своём доме в надежде, что их ещё заполнит смех и перелив родных голосов. И почему люди вспоминают о своей родне, лишь когда между ними встаёт смерть?

Габриэль единственная в толпе излучала злость. Среди любопытства и скорби эта эмоция очень выделялась и, вскоре, ее персона заполучила в свою сторону несколько косых взглядов.

Адам тоже это ощутил. Он сочинял в уме высказывание, что смогло бы как по волшебству излечить рану на сердце Габриэль, как вдруг среди безутешных лиц ему на глаза попалось само олицетворение ненависти в её сотне резких морщин. Это был высокий мужчина в котелке, под которым лоснились залысины на висках. Если бы не болезненно жёлтая кожа и не наказание лет, его можно было бы назвать благо-

видным. Возможно, по молодости он таким и был.

Взор этого человека был всецело приставлен к Габриэль, и садил он такой злобой, какую Адаму не доводилось видеть уже много лет.

Ксионек машинально выступил вперёд, закрывая подругу плечом. Мужчина цокнул, питая гнев теперь не только на Габриэль, но и на её защитника. Он растаял в толпе – сделать это человеку в чёрном в гуще траурных фигур проще простого, – но почему-то Адам не испытал от этого облегчения.

Всего за секунду Габриэль, что с начала церемонии держалась подле него, также исчезла. И Адама это совпадение заставило поволноваться. Ничего не сообщив миссис Уоткинс, он нырнул в толпу позади себя, выискивая зоркими глазами рыжую голову спутницы. Но одной только зоркости для того, чтобы сориентироваться в чёрном море людей было недостаточно. Он хотел просканировать пространство, сократив количество переменных до конкретного описания внешних данных Габриэль, но дотронулся до виска и только растер пальцами пудру. Нет, плохая идея. Сегодня придётся обойтись без помощи кибертехнологий «Терра».

В отдалении от основной толпы расхаживали журналисты из «The Daily Telegraph», туристы и фанатики инопланетян, которые выгадывали встречу с чем-нибудь сверхъестественным.

Маскировка Уоткинсов работала на отлично. Адам прошёл мимо камер и никто не надумал сделать его фото. Но

один необдуманый шаг – и он едва всё не испортил. И вот почему...

Габриэль сидела на зелёном газоне, в окружении статуй скорбящих ангелов и каменных надгробий, и поза её была неестественной для человека, что присел отдохнуть. Одной рукой она хваталась за щеку, а другую упирала в мокрую траву. Перед ней возвышался тот самый мужчина в котелке, и его ладонь горела от совершенного им удара.

От увиденного, Адама охватила ярость, и с ней, без разъяснения причин, он накинулся на незнакомца, впиваясь ногтями в ворот его пиджака и порывая плотную ткань.

– Ты-ы! – заскрипел тот зубами, стараясь отпихнуться. Как и ожидалось, силы ему для этого не доставало. Донельзя взбешенный, он покраснел, прожёвывая желчь во рту: – Ублюдок, я тебя засужу! И подружку твою тоже! Вы оба у меня за решётку полетите!

– Адам, перестань! Отпусти его! – выкрикнула Габриэль осуждающе, да так, будто это Адам был повинен в случившемся.

Пришелец её не услышал, он был оглушен собственным сердцебиением. Его кулак нацелился на мужчину. Котелок слетел с головы, обнажая некрасивую лысину. Габриэль осознавала, чего стоит один удар ксионца. Адам запросто мог выбить из человека душу, не особенно напрягаясь.

Но докричаться до него было невозможно.

– Стоять! – Миссис Уоткинс подоспела к моменту. Она

поймала руку Адама на замахе, и хотя вряд можно было остановить того человеческой силой, пришелец осознанно позволил себя увести на целых два шага прочь. Он наконец вспомнил, что существует такое орудие справедливости как «диалог», ему даже стало немного стыдно за своё поведение, недостойное нажитых им принципов. Сперва надо узнать, что произошло. Быть может он не так всё понял.

Объятый пламенем взгляд, однако, не угасал, и с ним Адам вышел на вопрос:

– Кто вы такой? И что вам нужно от Габриэль?

Мужчина поправил испорченный пиджак, поднял с земли котелок и стал отряхивать его.

Не успел он промолвить и слова, как Габриэль одарила мужчину низким поклоном и почтительно отчеканила:

– Извините нас, пожалуйста, мистер Смит. Заверяю тако-го больше не повторится. Прошу, не обращайтесь в полицию. За порчу вашего пиджака я заплачу с избытком.

Адам был ошеломлён. Миссис Уоткинс – меньше, но ка-жется до неё начало доходить, ради чего Габриэль претерпе-вает унижение перед обидчиком.

– Мистер Смит? – переспросила она тихо, словно у самой себя. – Отец Розетт Смит?

– Что ж, раз уж вам известно имя моей дочери, – проры-чал тот, напяливая на макушку шляпу, – значит тот факт, что ваша подруга её убийца, для вас также секретом не является.

Адам, всё ещё удерживаемый миссис Уоткинс, дёрнулся

всем телом, будто через него пропустили электрический ток.

– Габриэль никого не убивала! – заступился он за девушку.

– Роуз никогда бы не покончила с собой! – Седые брови мужчины сгустились одновременно с тучами над его головой. Ветер усиленно завыл, навивая мрак и забирая последние блики солнца. – Знаю, пока доказательств нет, но я их найду, клянусь – найду! И тогда, Габриэль Остин Феннис, ты за всё мне отплатишь! Люди вокруг тебя неспроста лишаются жизнью! Роуз, профессор, твои родители... Это ты виновата в их смерти, ты, мелкая дрянь!

– Адам, тише! Испортишь костюм – и я тебя убью! – пригрозила миссис Уоткинс шарахнувшемуся в её руках пришельцу.

Габриэль прикусила губу, подол её перепачканного платья хлестнул ветер.

– И не нужны мне твои проклятые деньги! – Мистер Смит хмыкнул, и на том, гордый как лев, неспешно стал удаляться.

Габриэль стрельнула взглядом ему в спину.

– Придурок! – буркнула она куда-то в землю.

– Почему ты разрешаешь ему так с собой обходиться? – выпущенный на свободу Адам подлетел к девушке.

– О, думаешь, я мазохистка, да? – ухмыльнулась та гневно. – Мистер Смит ни за что не оставит дело о смерти Роуз! Ему только дай повод обвинить меня! Стоит мне попасть в полицейский участок, как моя история судимости вскрыется,

и кто знает, что тогда будет! А ты? Ты вообще подумал головой, что ждёт тебя, Адам, если он и в самом деле решился бы засудить тебя? А если бы ты его убил? И куда девалась вся твоя «рациональность»?

– Я бы не...

– А, да замолчи ты! – Габриэль отвернулась, чувствуя, как слезы щекочут глаза.

Начав накрапывать, дождь быстро накрыл кладбище, и чёрные тенты зонтов расцвели среди могил. Один такой вырос и над головами угнетённого Адама и плачущей Габриэль, и держала его благоденственная рука миссис Уоткинс:

– Ну, поехали-ка домой, ребятки.

Всю дорогу до Волкер-стрит Габриэль хранила молчание, а Адам в одиночестве на заднем сидении и вовсе сидел убитый. И только миссис Уоткинс не унывала.

– Да что ж вы оба такие кислые! – вздохнула она. – Наше расследование в самом разгаре, с таким настроением мы никуда не продвинемся! Хотите вы того или нет, но я вас не отпущу, пока мы не обсудим всё за чашкой горячего чая, понятно?

Габриэль включила «дворники», чтобы почистить забрызганное дождём стекло, и, встраиваясь в поток машин, ответила:

– Нечего обсуждать. Я не хочу об этом говорить. Я не убивала Розетт Смит...

– Мы это знаем!

– Но... не исключено, что я во всём виновата, – произнесла Габриэль через ком в горле. – Профессор умер из-за того, что я вовлекла его в ВУС, как вовлекаю вас сейчас. Не хочу, чтобы вы, миссис Уоткинс, или ваша дочь пострадали из-за меня...

– А как же видение?

– Адам прав. Любое предсказание будущего – всего лишь вероятность...

Когда «Фольксваген» подъехал к дому Уоткинсов, Адам Дэвисон, который всю дорогу с откровенной горечью слушал беседу на передних сидениях, осторожно подал голос:

– Габриэль, можно поговорить с тобой наедине?

Миссис Уоткинс с улыбкой кивнула, захлопывая дверцу и вставая под дождь, не боясь промокнуть. Зонт она целенаправленно оставила в машине, вынуждая Габриэль вернуть его ей и тем самым попасть в её ловушку с чаепитием.

– Ну что ещё? – взныла девушка, прильнув носом к рулю как к подушке. – Я на тебя не обижаюсь, если ты об этом. Но на извинения не рассчитывай.

– Хорошо, не буду, – улыбнулся тот благодарно. – На самом деле я сам хотел извиниться... Не знаю, что на меня нашло. Вообще-то я не одобряю насилие ни в каком его проявлении. Для меня это табу, и я его чуть не нарушил. Спасибо, что не дала мне сделать ничего дурного...

– Я не при чем. Это всё миссис Уоткинс. Ее благодари.

– Габриэль...

– Да что?

Несмотря на раздражение, с каким отвечала ему подруга, Адам улыбался:

– Я просто хочу, чтобы ты знала. Я всегда буду на твоей стороне. Чтобы не случилось.

Габриэль слезливо взглотнула. Слова застревали в горле, поэтому она извлекла из себя только сломленное «угу». Возможно, будь у неё чуть больше времени, её вконец сваренный событиями мозг допыткал бы до чего-нибудь более благозвучного, но его умственный процесс прервал стук в стекло салона автомобиля.

Это была миссис Уоткинс. С её одежды водопадом сочилась вода, а глаза раздувал неопиcуемый ужас.

Габриэль с подскочившим сердцем разблокировала дверцу и сквозь шум дождя услышала страшную фразу, прозвучавшую как гром:

– Мою дочь похитили! Пенни похитили!

Глава 3. Церковь на Гринвелли

Кикки, отсиживающийся в гостиной, услышав знакомые голоса, извлек свой пушистый вертлявый зад из-под подкладки в диване, в котором разодрал дырку и сделал себе «укрытие», и вышмыгнул им навстречу. Он запищал и завертелся под ногами миссис Уоткинс, будто пытаюсь поведать о произошедшем.

– Кикки! – Миссис Уоткинс подняла кропуса за подмышки, как котёнка, и прижала к груди. Ее нога наступила на влажный след из дождевой воды и уличной грязи – отпечаток подошвы ботинка очень большого размера. – Это был он? Огон? Он ведь и тебя похитил с родной планеты! Хорошо, что ты в порядке, малыш!

– Хм... – Адам застыл в холле с запиской, чернила на которой разъело от дождя и слез. – Я тоже придерживаюсь мнения, что это огонь похитил Пенни, но... когда он научился писать?

Обжимаясь с Кикки, сочувственно вылизывающим её колючие мокрые волосы, миссис Уоткинс встала рядом с Адамом, чтобы перечитать записку: «Если хотите вернуть Пенни, приходите сегодня в полночь в церковь на Гринвелли».

Теперь, когда первичный шок прошёл, она могла размышлять:

– Почерк очень аккуратный. Это... странно. Чтобы так хо-

рошо постичь каллиграфию нужно долго набивать руку.

Охлаждая затылок и ладони о стену, Габриэль даже не собиралась читать записку. Она оторвала взор от пола и тяжело проскользила им вверх, пока не закрепила его на спинах друзей.

– У него сообщник.

Адам и миссис Уоткинс одновременно оглянулись на неё.

– Тот мальчик... – догадался пришелец.

– Эдвард, – подтвердила Габриэль так, будто это имя обрекало Пенни на погибель.

А у миссис Уоткинс наоборот – отлегло от сердца:

– Тем лучше! – воскликнула она, чутка приободрившись. – Эдвард влюблён в Пенни, вряд ли он стал бы причинять ей вред.

– Он, может, и нет, но вот по поводу того, что в голове у нашего огона, сказать трудно... – Адам хмурился, раз за разом возвращая взгляд к записке. – Космические пираты не любят честную игру. Даже если мы выполним все его условия, а мы, очевидно, идём на обмен, нельзя быть уверенным, что огон сохранит Пенни жизнь. Поэтому нужно быть готовыми ко всему...

Возле глаз Адама, заставив его встрепыхнуться, возник молоток.

– Это ещё зачем? – с укоризной возвёл он глаза на миссис Уоткинс, чье материнское сердце било тревогу.

– Это оружие!

Адам Дэвисон побледнел, представляя, как это «оружие» можно использовать против огона.

– Вы шутите?!

– В качестве альтернативы могу предложить кухонный нож. Выбирай! – Миссис Уоткинс не шутила. Она смотрела на Адама так, как смотрит птица, когда ее гнездо намеревается разворошить змей. – Не обязательно применять его по назначению! Но идти с пустыми руками к убийце – верх безрассудства! И не забывайте про самозащиту! Я не уступлю какому-то там космическому пирату жизни своей дочери и друзей!

– Тогда я предпочту нож... – Адам, руководствуясь мыслью о компактности, остановил свой выбор на режущем оружии. Само собой – пускать его в ход он не станет ни под каким предлогом. Но надо же как-то успокоить освирепевшую мать?

– В таком случае я придержу молоток...

Время не шло, оно волочилось. Вся троица караулила его на кухне, не отходя от настенных часов, будто время могло убежать. Стрелки тикали, и тикали, а миссис Уоткинс тарабанила ногтями по столу, отчего у Адама стоял шум в ушах.

– Я не доживу до полуночи! – вскрикнула женщина, лишаясь терпение. – Я иду за Пенни сейчас же!

Адам её притормозил:

– Нет, миссис Уоткинс! Я понимаю ваше беспокойство,

но мы не знаем, с кем имеем дело. Неизвестно, как поступит огонь, если мы нарушим правила его игры!

Миссис Уоткинс вздохнула так гулко, словно хлебнувший воды утопающий:

– Хорошо! – согласилась она, но ноги всё равно повлекли её через всю гостиную напрямиком в холл, где она вырвала у вешалки свой дождевик.

– Куда вы? – догнал женщину Адам, не в силах вникнуть в ее логику.

– Пойду-ка наведаюсь в гости к нашему дружку Эдварду! – хищно улыбнулась миссис Уоткинс, стискивая ключи в кулаке. – Вдруг он ещё дома?

Дверь строптиво хлопнула перед носом Адама, оставив того вздыхать в одиночестве.

– Надо было это сделать с самого начала, – промолвила Габриэль, появившись позади него подобно бестелесному фантому. – Глупо было верить Пенни на слово...

– Ты думаешь, – уставился на неё ксионец, – огонь всё это время жил напротив Уоткинсов? И... следил за нами?

Габриэль промолчала, но для Адама это было громче любых слов.

Миссис Уоткинс прибыла на квартиру, когда на улице во всю смеркалось. Адам и Габриэль к этому часу уже стояли наготове. Они сговорились выехать раньше, чтобы точно не опоздать, ведь до Гринвэлли было около часу езды. Кроме того, Габриэль планировала заправиться, так как измотала

порядком бензина, а полный бак – гарантия выживания. Этому учат все фильмы ужасов!

– Ну что, что-нибудь выяснили? – спросил Адам вымокшую до нитки миссис Уоткинс. От её сапог расходились кольцами грязные лужи.

– Я весь дом на уши поставила своими криками! Всё в пустую. Может позвонить в полицию и заявить о похищении? – мелькнула в голове идея, но миссис Уоткинс отругала себя за нее: – Ну да, ну да... Гениально, Хелен, гениально! Вызвать копов, чтобы они скрутили тебя и твоих друзей за госизмену!

Адам потащил за собой в подъезд товарищей: решительно настроенную мать, заныкавшую в женскую сумочку молоток, и опустошенную событием Габриэль, которой каждый шаг давался с трудом. В куртке поверх длинного траурного платья, с капюшоном на глазах, девушка не слетела вниз со ступенек только благодаря тому, что скользила ладонью по перилам.

– Ты в порядке? – Миссис Уоткинс подхватила Габриэль, чья нога оступилась у самых дверей. – Сможешь вести машину? – Практичный вопрос сопровождался тёплым звучанием и заботливым касанием руки по бледной щеке.

– Миссис Уоткинс... почему вы так... вы так, – заикалась та, сглатывая отчаяние, – добры ко мне? Это же из-за меня Пенни...

Миссис Уоткинс со вздохом заключила Габриэль в объё-

тия, роняя у неё над ухом ласковые слова:

– Глупышка, ты не в чем не виновата. Пенни была счастлива подружиться с тобой. И я бы ни за что ничего не изменила в этой истории, даже если бы знала, что всё так обернётся...

У Габриэль перехватило дыхание. Чтобы не раскиснуть и не спутать планы друзьям, она осилила кривую улыбку:

– Мы спасём Пенни! Я вам клянусь!

«Фольксваген» рвал плотный покров дождя, мча вперед по ночной дороге, бесстыдно превысив допустимую скорость на подступе к Гринвелли. Силуэты деревьев кивали лохматыми макушками и покачивали костлявыми ветками на фоне свирепого неба.

– Церковь на Гринвелли – это же та, что разрушили во времена войны? – уточнила миссис Уоткинс, не расставаясь с клочком бумажки, где значился адрес и послание огона.

Габриэль безотрадно хмыкнула:

– Да, самый настоящий дом с приведениями!

– Бедная моя Пенни... Как же ей, наверное, страшно...

– Привидения? – История заинтриговала Адама.

– Маленькую католическую церквушку на Гринвелли ещё в начале войны разорили немецкие фашисты, а в сорок пятом она стала жертвой бомбардировки, – пояснила Габриэль, давя на газ. – В шестидесятых, когда церковь решились отстроить протестанты, в крест ударила молния. В общем, с тех пор церковь нарекли проклятой, а новая администрация

просто забила на то, что она существует, потому что местные были против.

– Почему они были против?

– Из-за суеверия, – взглянула Габриэль на Адама через зеркало заднего вида. – Говорят, что это – клетка дьявола. Якобы Бог заточил в ней тёмную сущность, и если её снести или перестроить, то печать спадёт, и дьявол начнёт бесчинствовать, пожирая души горожан. Гринвелли – это деревенская окраина Станвелла, здесь люди верны своим выдумкам.

Припарковав машину на проселочной дороге, размытой в лужу, Адам и Габриэль вышли из машины. Миссис Уоткинс, кутаясь в свой дождевик, уже было тоже устремилась на выход, но Габриэль попыталась её образумить.

– Нас должен кто-то прикрывать, понимаете? – была вынуждена она расстроить женщину. – Кроме того... кроме того, я... – Габриэль хотела сказать: «не хочу рисковать ещё и вами», но посчитала, что это лишь сильнее подстегнет неутешную мать поставить на кон свою жизнь ради спасения дочери.

Читал ли Адам ее мыли или нет, но он спас ситуацию:

– Миссис Уоткинс, мы приведём вам вашу дочь в целости и сохранности. Однако нам может потребоваться помощь из вне, на случай, если церковь – это ловушка. Поэтому вы должны сидеть на телефоне и быть готовы нам посодействовать.

– Почему я? А не Габриэль? – задалась вопросом та. Од-

нако ногу, поставленную на грязь минутой ранее, всё же прибрала обратно в салон.

– Потому что Габриэль знает, как выглядит огонь, а вы нет.

– Что ж, ладно, детишки... Ваша взяла! – Женщина выставляла из машины молоток. – Тогда передаю свои обязанности тебе, Габриэль! И нечего щадить злодея!

Габриэль натянуто улыбнулась:

– Как скажите, миссис Уоткинс...

Из-за того, что церковь располагалась вдали от ближайшего поселения, жилые огни, как это бывает в никогда не засыпающих городах, здесь не сияли. Под дождливым небом, без единой звёздочки, холм на Гринвелли проваливался в беспросветную тьму. Карманный фонарик Габриэль едва справлялся с тем, чтобы освещать дорогу. Он высветил за стеной ливня развалины – когда-то белый фасад, облезлый и потемневший с годами, обзаведшийся ноющими шрамами в виде трещин. С главной башни от самого шпиля, где прежде стоял обожженный молнией крест, сходило чёрное пятно. Из центрального круглого окна над главным входом на Габриэль и Адама недружелюбно посматривали потемки.

Восточная стена, принявшая на себя удар бомбы в сорок пятом, отверзалась дырой.

Адам и Габриэль перешагнули каменные развалины и попали в главный зал.

За половину столетия от пола здесь мало, что сохрани-

лось. Там, куда ежедневно попадал свет, густо проросла сорная трава, меж прогнившими досками и плитами струились болотистые ручейки. Габриэль пару раз споткнулась о предполагаемые останки скамьи, пока возилась с заедающим фонариком. Её ступня почти погрязла в яме – в маленьком грязном озерке воды на месте осадка земли.

– Стой! Не ходи дальше! – предостерёг Адам. – Там яма.

Фонарик промигался и вновь вспыхнул. Габриэль навела его себе под ноги и ухнула.

– И как только ты её заметил?

В искусственных бликах фонаря виднелась зеленоватая жижа. Как глубоко в землю уходило это мини-болото можно было определить, разве что проткнув его поверхность палкой, ну или, как чуть не произошло в случае с Габриэль – наступив в него ногой. Стоило отвести свет в сторону и наполненная жидкостью яма превращалась в омут, полностью сливающийся с блестящими влагой тенями церковного зала. Фонарь любопытно взметнул свет на лицо спутника.

– Не свети на меня! Собьешь настройки! – проворчал Адам, морщась. Волосы, ещё пару часов назад грязно-серые от вымывающейся краски, после последней прогулки под дождём стали светлее ещё на два тона.

Пришелец скинул размокший, что тряпка, пиджак на спинку скамьи, а рукава рубашки немного завернул, потому что те изначально сидели длинновато по его руке.

– Какие ещё настройки? – в голос удивилась Габриэль. –

Только не говори, что ты умеешь видеть в темноте?

Свет фонаря поник к земле, моргнул на ботинках. Тем не менее этого вполне хватало, чтобы не потерять Адама в темноте. Только сейчас Габриэль обратила внимание, что его глаза были без линз, а датчик на виске мерцал голубым, в то время как ксионец колдовал над настройками чувствительности зрения. Когда его глаза на мгновение полыхнули, как у кота во мраке, Габриэль всю покоробило:

– Ты вообще человек?! – спросила она, не подумав.

– Нет же, – ответил Адам, сочтя вопрос глупым. – Я ксионец, забыла?

Габриэль, которая имела в виду нечто другое, перестроила вопрос:

– В смысле... ты точно живое существо? Не... не какой-то то там робот?

Адам смахнул налезающие на глаза волосы и улыбнулся.

– Не сомневайся, – уверил он. – Но я бы не отказался им быть.

На месте распятия рыжело пятно в виде креста. Подножие алтаря озеленил мох.

Габриэль тщательно зондировала фонарём каждый угол, выискивая следы Пенни, но, кажется, её здесь не было. Огонь тоже себя не показывал, а это могло означать только одно:

– Придётся спуститься в подвал...

Габриэль очень этого не хотелось, но вариантов, где ещё могли заточить Пенни, больше не оставалось. Свет фонаря

пополз по стенам к балкону, полудугой растянутому под потолком в противоположной алтарю части храма. К нему вели разбитые ступени. Габриэль вдруг сорвалась с места и перемахнула кучу мусора. Внизу, к перилам, была привязана прядь светлых волос.

– Это принадлежит Пенни, – задохнулась она в ярости и скрежетнула зубами. – Вот же... ублюдок!

Габриэль расстегнула молнию на сумке и вытащила дарованный ей миссис Уоткинс молоток.

Адам оплел пальцы вокруг отягощенного оружием запястья и сказал:

– Нет, Габриэль, не надо. Никакого оружия! – Чтобы подтвердить свои намерения, Адам, вдовесок, избавился и от своего ножа, небрежно уронив его себе в ноги.

– Но Адам! Как же мы...

– Мы поговорим.

– О чем можно говорить с похитителем и убийцей?

– О свободе.

Габриэль аж скрутило живот от такого заявления.

– Ты же не думаешь его отпустить?

Неверный ответ – и пришельцу могло прилететь в грудь кулаком.

– Нет, – закачал головой тот и приподнял уголок губ, таинственно прошептал: – Но он-то этого не знает.

С балкона вниз шла крутая железная лестница, ведущая в непроглядную тьму. Бедный свет фонаря рассеивался, не

достигая дна.

Но делать было нечего. Нужно было спасти Пенни из лап врага!

Сквозняк толкал Габриэль в поясницу, а каждый волосок на её теле вставал дыбом, пока она оценивала количество паутины на стенах.

Ржавчина прилипала к ладоням и царапалась, мерзко скрипя. Зажимая фонарик между зубами, девушка иногда мычала что-то, но Адам, подстраховывающий её снизу, не мог ничего разобрать. И Габриэль отсутствие ответов от него очень выбешивало.

Нащупав землю, Адам принял устойчивое положение, приготовившись снять с лестницы подругу. Габриэль убрала изо рта фонарик, затараторив:

– И для кого я вообще тут распинаюсь, если ты меня игнорируешь?

– Ты сама-то поняла, что говорила?

Габриэль протянула Адаму руку. Адам сделал тоже самое в ответном жесте. Но не успел он коснуться её, как та безвольно опала, а за ней со ступенек полетела и сама Габриэль.

– Габриэль! – восклицая имя, пришелец поймал девушку, не позволив ей задеть головой землю. – Габриэль? – Он опустился на колени вместе с ней. Обмякнув у него на руках, Габриэль немного подергивалась, глаза её были распахнуты, и ужас вселялся в них. Будучи в сознании, она не могла двигаться. Адам вынул из её шеи дротик, и в этот миг во тьме

хрустнули доски:

– Через двадцать минут дыхательную систему полностью парализует, и твоя подружка умрёт, – объявил голос чрезмерно спокойным бархатным тоном. – У меня есть противоядие. Поэтому в твоих же интересах выслушать меня.

– Огонь? – уронил Адам, насупившись.

– Неверно! – Голос сделался раздражённым. – Меня зовут Ацель.

Глава 4. Похищение

Вселенная любит хитросплетения. Она игрива, как озорливый ребёнок, и частенько дёргает за ниточки. Красные нити судеб – не исключения.

Отмотаем стрелки часов в начало дня, когда пасмурное утро двадцатого июня разлилось над Станвеллом, а входная дверь в квартиру Эдварда закрылась для Ацеля навсегда. По крайней мере так думали оба, говоря друг другу прощания.

Ацель, ступая по подъездным ступеням с двумя пакетами, мало-помалу ощущал, что Вселенная играет с ним. Он свыкся с тем, что нигде не засиживался подолгу. У него не было постоянного места жительства, да даже космический корабль в лесу Уиллоубрука ему не принадлежал! На родной планете, на Сондэсе, Ацеля никто не ждал, он не вернулся бы туда под страхом смерти, хотя, наверное, сделай он это, именно она бы его там и настигла. Так и получалось, что, как ни крути, а оба варианта – одно и то же.

Узел судьбы, что связывал его с Эдвардом и Великой Утренней Случайностью, давил морально и физически. Ацель упорно ушагивал прочь, силясь разорвать эту гиблую, по его мнению, таинственную незримую нить. Но никакая сила воли не способна противостоять судьбе.

Ацель выпустил из рук пакеты, и те развалились рядом с ним двумя бесформенными кучками.

– Да что же это такое? – зарычал он, впечатавшись лбом о стену. – Во имя трёх клинков, что со мной не так? Почему я не могу уйти? Будь ты проклята Вселенная, если не дашь мне знак! Что мне делать?!

Старушка Вселенная услышала Ацеля, так как в отличие от большинства стариков обладала феноменальным слухом. Она даже не огорчилась, что ее проклинали злые сондэсианские уста. Отнюдь, Вселенной стало смешно, что кто-то, настолько мелкий в ее глазах, может дерзнуть выдать нечто подобное тому, от кого всецело зависит его жизнь и удача. Вот же в чем он, истинный идиот!

Ацель с осиротелым видом переместил взгляд за стекло подъезда и тут же поперхнулся восклицанием:

– Ч... чего???

Он припал спиной к стене, сгрудившись в углу, рядом с дверью, чтобы скрытно выглянуть наружу через почтовую щель, потому что матовые вставки в стекле замутняли обзор.

– Этого... этого не может быть! Это... А? Ещё и... кропус?

Ацель как ужаленный взлетел вверх по лестнице, подцепив на ходу свою провизию. Он забарабанил в дверь квартиры, налегая на неё всеми силами, пока та не отворилась. Столкнув с порога изумленного Эдварда, он побросал пакеты.

– Что... про... и-исходит? – с запинками проговорил юноша, стесненный тем обстоятельством, что пришелец нагло

влачит его за собой через весь дом на кухню, точно одну из своих вещей.

– Смотри! – воскликнул Ацель, останавливаясь на кухне и пихая юношу вперёд себя. – Да не на меня, в окно смотри!

Эдвард глупо хлопал глазами, и взгляд его кочевал от Ацеля к окну, от окна к Ацелю, ошарашенный растерянностью.

Ацель прицокнул языком, взял голову Эдварда за затылок и развернул, куда надо:

– Это же твоя Пенни, да?

– Да-а...

– И что она здесь делает?

– Как что? Она живёт в доме напротив...

Ацель взвился, словно змея, которой наступили на хвост:

– Что? С каких это пор?

– Ну, с очень давних. Она заехала в Станвелл раньше меня, поэтому точно не знаю. Почему ты так удивлён? Я же тебе говорил, что Пенни – моя соседка.

– Не говорил!

– Готов заверить, что говорил! Каждый день тебе об этом твердил!

– Ни разу не слышал!

– Не слышал? Или не слушал?

Ацель зафыркал, не находясь в словах:

– Плевать! Неважно!

– А что важно?

– Они! – Пришелец снова заставил Эдварда смотреть в

окно. Там, внизу, под небом цвета цемента, запершем всех жителей города по домам, состоялась в самом разгаре фотосессия Габриэль и Адама. И всем этим действием, как уже известно читателю, руководила возлюбленная Эдварда – Пенни Уоткинс. Доманцевый кропус переходил из рук в руки, будто одомашненный зверёк. Да где такое видано, чтобы кто-то сумел приручить это своенравное, свободолюбивое создание?

Пенни почуяла на себе посторонние взгляды и обернулась, наметив усидчивый взор прямо в окно кухни Эдварда. Ацель пригнул юношу и пригнулся сам, чтобы их не смогли засечь. Так, сидя у шкафчиков столешницы, они отдышались.

– Эти двое...? – зашептал Эдвард, как если бы у Пенни Уоткинс был сверх-слух Вселенной.

– Да! Это те самые космические пираты, похитители людей и работорговцы! – с ненавистью высказался Ацель. Гнев колотил его нутро, да так, что все мышцы на лице содрогались.

– Выглядят... не так уж устрашающе... И зверёк у них милый.

Ацель взял Эдварда за ворот, вытряхивая из него и без того разрозненные частицы сознания.

– Милый? Милый?! Да этот зверёк прыскает ядом из клыков!

– Почему ты всё время меня трясешь? У меня уже от тебя

мазоль на шее, – пробормотал юноша, чувствуя, как мозги бьются о черепную коробку. – И мигрень.

Лёгкие Ацеля издали сдавленный звук, пока он считал до десяти, чтобы снять возбуждение.

– Помнишь, ты хотел быть мне полезным? – спросил пришелец твёрдо. – У тебя появилась такая возможность! Более того, ты можешь спасти Пенни! Стать её героем! – выдержав драматичную паузу, оглушенную трепетным молчанием Эдварда, он закончил тоном наигранно-возвышенным: – Мне нужна твоя помощь!

– Моя? Помощь? – Тот округлил глаза. – Э-э-э, хорошо.

– Чудно! – Ацель зашторил окно жалюзи, и только после этого встал – жутковатый в своей решимости. Он стал перечислять: – Нам понадобятся верёвка (длинная, лучше – канат) и машина. Пакеты с продуктами мы заберём. Не забудь дезинфицирующее средство для рук (оно в ванной, в верхнем шкафчике): дельце предстоит грязное. И оденься потеплее, ночью обещают похолодание. Ну так что, сможешь достать все это часам, скажем, к... трем?

– Э, постараюсь, – ответил Эдвард, переваривая в уме поручения. – Но, Ацель... А как же военные?

Ацель махнул рукой, обесценив недавнюю проблему до нуля:

– Ты правильно тогда сказал! Без ордена на обыск они не имеют права вламываться в твою квартиру. Кроме того, ты несовершеннолетний, а по британскому законодательству

государственные службы должны сперва обратиться к твоему опекуну. Короче говоря, у нас есть ещё несколько дней в запасе. Если всё получится, как я запланировал, через двое суток меня здесь не будет!

– Ладно, – принял информацию тот.

– Тогда вперёд!

Эдвард встал; поразмыслив, выудил из кармана джинсов блокнот на пружине. Волнительно наминая его в руке, он отважился вновь поднять старую тему, но теперь уже имея при себе доказательства, которые Ацель вряд ли сможет оспорить.

– Ацель, ты тут забыл кое-что...

Пришелец увидел блокнот и простер за ним руку без всякой задней мысли, что им манипулируют, со словами:

– О, да, точно. Мои исследования.

Но Эдвард убрал от него блокнот, раскрыв его на странице, в какую уже заранее вложил указательный палец как закладку.

Он снова предоставил его Ацелю, но уже в раскрытом виде:

– Я всё сделаю, как ты скажешь. Но сперва... ответь мне на вопрос...

Пришелец загреб пальцами волосы и вздохнул – очень взбешённо и нервно:

– Да, это я написал твоё имя на стене колледжа! Счастлив?

– Вполне, – кивнул Эдвард, довольный собой. – Эм,

Ацель, – виновато улыбнулся он, – повтори, пожалуйста, ещё раз, что там тебе нужно достать?..

Подготовив всё задуманное, Эдвард, под предводительством хитроумного сондэсианца и прожженного мошенника-манипулятора Ацеля, приступил к выполнению плана. И хотя природная добропорядочность юноши говорила ему, что что-то здесь нечисто, вера в благие помыслы пришельца опережала умные мысли.

В районе трёх часов дня, когда Габриэль, Адам и миссис Уоткинс вместе с половиной города уехали на похороны, Эдвард, прокручивая в голове отрепетированные реплики, преодолевал ступеньку за ступенькой к порогу квартиры Уоткинсов. Он так не переживал даже на псевдо-свидании. Как никак, тогда он был честен, сейчас же ему придётся врать. Эдвард продолжал вторить как мантру, что это ради спасения Пенни и мира, но его всё равно лихорадило, будто он совершал какой-то преступный акт.

Кикки, свернувшийся клубком у Пенни на животе, вдруг напряжился, зашевелил усами, сканируя пространство вокруг. Он соскользнул на пол подобно оброненному шелку и стал бегать от кровати, где ничком валялась его хозяйка, до двери и обратно, словно уговаривая ту скорее убираться из комнаты. Но Пенни посчитала, что зверёк проголодался и поплелась на кухню, чтобы почистить ему банан. Кикки отверг угощение и заругался, кусая девушку за подол платья.

– Да что с тобой такое? – несчастно вздохнула та, присаживаясь на корточки, чтобы заглянуть зверьку в глаза. – Знаешь, малыш, у меня иногда такое странное ощущение, будто я – не я. Глупо, правда? Но я ведь знаю, что я это – я, что же тогда не так? – Она подняла руку, которой только что трепала шерсть, и всмотрелась в неё, изучая и анализируя пальцы, ногти, линии на ладони. И хотя эстетически её все устраивало, в душе возникало какое-то необъяснимое отторжение. – Ненавижу оставаться одна, мне сразу тошно от себя становиться! А теперь ещё и страшно! – жаловалась Пенни зверьку прыгающему перед ней в очумелом танце. – Страшно из-за сегодняшнего утра. Мне показалось, будто кто-то пристально-пристально глядит мне в затылок. У меня внутри все перевернулось, я так испугалась! До сих пор мурашки по коже...

Пенни обхватила себя руками и поежилась, предчувствие опасности бухнуло в живот ледяным шариком. В дверь квартиры раздался звонок, заслышав который Кикки сломя голову ринулся в гостиную.

Обеспокоенная, Пенни пошла открывать дверь. Она бы не впустила в дом чужака, но в подъезде ожидал Эдвард, не так давно обиженный ею. Совесть не позволяла Пенни быть дважды грубой с одним человеком.

– Эдвард? Что случилось? – спросила она с порога. Ей показалось, что сосед обеспокоен чем-то: в его глазах стояли слезы, дыхание было прерывистым, будто бы тот убегал от

кого-то, а ладони дрожали. В первые в жизни полное отсутствие у Эдварда потенциала к обману сыграло ему на руку. Он был так искренен в своём страхе, что никто ни за что на свете не уличил бы в нём лжеца.

Пенни вспоминала слова Адама о том, что в соответствии с предсказанием Габриэль Эдвард может оказаться в ловушке у огона.

Эдвард же, чей ум был до отказа напичкан ложью, буквально озвучил ее мысли:

– Я нашёл его, того пришельца, о котором ты говорила. Я думаю, это он. Я хочу поймать его, но, боюсь, один я не справлюсь! – Эдвард изловил запястье девушки и потянул её вниз по ступенькам, клянясь, что объяснит всё через минуту.

Пенни моргнула на дверь, которую не успела закрыть, а потом на Эдварда, чьей жизни, как она себе вообразила, может угрожать опасность, если она оставит его без помощи. Разбитое сердце – ерунда. С ним хотя бы живут. Безусловный конец – это разбитая жизнь.

Эдвард заботливо распахнул над Пенни зонт, ведя её к внедорожнику, намытому проливным дождём.

– Подожди, Эдвард! – Прохлада улиц собрала мысли в кучу, и уже у самой машины девушка неожиданно брыкнулась. Зонт многозначительно упал между ними. Белые ткани платья прилипали к плечам и темнели, покуда их окроплял дождь. – Объясни всё сейчас. Пожалуйста!

– Я не могу. – Взгляд Эдварда стрельнул за спину Пенни,

к дверце автомобиля. – Надеюсь, ты простишь меня...

– За что?

– За это.

Чёрная перчатка заткнула Пенни рот, заглушив визг, и увлекла на заднее сиденье внедорожника. Всадив в изящную шею иглу, Ацель бесконечные сорок секунд удерживал извивающуюся и мычащую пленницу, пока та не притихла. Пальцы Пенни нехотя отпустили пальто, рука сорвалась и жалко повисла.

– Готова! – объявил Ацель, укладывая Пенни на сидение, как большую прекрасную куклу. – Давай сюда записку!

У Эдварда кольнуло в сердце:

– С ней точно всё будет хорошо?

– Даже больше, чем хорошо. В отличие от нас она выспится, – отшутился пришелец.

– Ацель! – не сводил Эдвард молящих глаз с бесстыжего похитителя. – Что ты ей вколол?

– Тише, малец, тише! Это обыкновенное снотворное.

– Оно безопасно?

– Разумеется! Я и сам иногда прибегаю к его использованию. Ну, чтобы лучше спалось. Кстати говоря, рекомендую! – Ацель самолюбиво осклабился белыми как снег зубами. – Моя собственная разработка!

Эдвард снова не разделил настроений пришельца, и тот посмурил, обговорив холодно:

– Будь тише воды и ниже травы, я сейчас вернусь.

Сунув записку за пазуху, Ацель вышел из машины, кидая осмотрительные взгляды налево и направо, но при всё при том оставаясь хладнокровным. Эдвард смотрел ему в след до тех пор, пока край чёрного пальто не исчез в подъезде.

Оказавшись в квартире, пришелец быстро сориентировался, поскольку планировка была идентична жилищу Эдварда. Прикрепив записку дротиком к кухонному столу, Ацель обернулся кругом, впитывая ноздрями воздух подобно дикому зверю на охоте. Почесывая запястье, будто перчатка ему мешала, он стал прохаживаться по квартире, рыская глазами по углам и зловеще приговаривая:

– Ну где же ты, хвостатый, хм? Выходи поиграть, я тебя не обижу.

Адам Дэвисон и его ксионская зоология были не совсем правы в отношении того, что кропусы умеют видеть цвет души и подразделять всех живых существ на категории «добрый» – «злой». Глаза этих редких зверьков очень восприимчивы к тонкому миру, и то, что ксионцы романтично зовут «душой», в действительности – аура, особое энергетическое поле, создаваемое и испускаемое биологическими организмами. У каждого отдельного существа аура может варьироваться по размеру и цвету. И хотя она о многом расскажет кропусу, парировать, что «вот он хороший, а он – нет» будет крайне неправильно. С размерами всё понятно: чем больше света распространяет аура, тем сильнее существо духовно. А что там с цветом?

Кикки крался за Ацелем по потолку, под который практически мимикрировал (не будь его красные пятнышки-ромбики на спине такими выделяющимися). Преобладающий в ауре пришельца алый цвет оповещал все органы чувств кропуса о том, что перед ним – потенциальный хищник. В гессокских лесах, где Кикки выживал со своими сородичами, все хищники имели ауру оттенков красного спектра. Делало ли это тех «злыми»? Конечно же нет! Хищник – есть особенность конкретного вида, которую мозг кропуса читает как «у него, определённо, есть все задатки охотника, поэтому – берегись!». К счастью для Кикки, аура Ацеля была не настолько агрессивной, чтобы не попытаться счастье и не поиздеваться над тем лишней разочек.

– Кикикикики-и!

С коронным боевым кличем кропус оттолкнулся от стены и пикировал Ацелю прямо в волосы. Орудя когтями – маленькими, но острыми как иглы, он трудился нанести злодею так много царапок, как только мог. Чтобы сработать наверняка, Кикки приправил свою месть за Пенни галлюциногенным укусом. Истратив выносливость, он отскочил упругим мячиком. А Ацель, несолоно хлебавши, поковылял на выход.

– Я ещё расквитаюсь с тобой! Это не конец! – пригрозил он, трескаясь лбом о дверную раму, потому что из-за яда кропуса у него двоилось в глазах.

В машину Ацель сел тоже не с первого раза.

– Заводи! – приказал он, убито откидываясь на спинку сидения и зажимая переносицу пальцами.

– Что с тобой случилось? – воскликнул Эдвард, морщась от вида крови, растекающейся по носу пришельца.

– Не вписался в дверь! – процедил тот раздражённо. – Гони давай уже!

– Ладно-ладно, только... Тебе не кажется, что то, что мы делаем, немного смахивает на... похищение? И чем мы тогда лучше тех пришельцев-работоторговцев?

– Поздновато ты включаешь мозги, Эдвард! – пристыдил Ацель юношу. – Да, это похищение. Но похищение во благо! Потому – меньше слов, больше дела. Езжай уже!

Глава 5. Заточение

Заточенная в собственном недвижимом теле, Габриэль водила глазами по сторонам, напрягая зрение, чтобы в угасающем помигивании брошенного фонаря углядеть силуэт или брызги тени, давшие ей понять, что творится вокруг.

Адам бережно подложил ей под голову её же полупустой рюкзак.

Когда лежишь так близко к земле, слышится каждый шаг, каждая крупинка мусора взрывающаяся треском под свинцовым весом подошв, и не разобрать – какая из них принадлежит Адаму, а какая – огону. Гнилостная вонь выводила на тошноту, а от стрекочущих звуков крысиных зубов, трущихся о камни в поиске съестного, спину как нитью прошивал холодок.

– Что тебе нужно? – спросил Адам негромко, но так сурово, что его голос прозвучал неузнаваемо для Габриэль.

Судя по всему, темнота для него действительно не была проблемой, как, стоит заметить, и для огона.

Эксцентрично поигрывая меж пальцев запроваженным шприцом с противоядием и целенаправленно концентрируя на нём внимание Адама, Ацель ухмылялся, словно весь мир был в его руках и он был королём.

– Всё просто, – бросил он, с небрежной ловкостью запрятав шприц в рукав. – Я хочу, чтобы вы отстали от меня. Ты

и твои «терровские» приятели.

– Я как раз хотел предложить тебе то же самое. – Адам не отнимал взора от чёрной перчатки, спрашивая себя, какие ещё фокусы припрятаны в рукавах врага.

Ацель жеманно скрестил руки:

– Любопытно. Продолжай.

– Я готов тебя отпустить. Лети себе спокойно, куда хочешь и делай, что хочешь. За других не ручаюсь, но пока ты цель моей операции – я закрываю на тебя глаза.

Ацель дослушал предложение Адама с вполне серьёзным видом. Но стоило тому поставить точку, как он уничижительно рассмеялся. Леденящее душу эхо громыхнуло по катакомбам.

– Что смешного?

– Твоя глупость! – Веселье Ацеля быстро иссякло. Что изначально его рассмешило, теперь вызывало в нем апогей омерзения и гнева: – За дурака меня держишь? Ты сейчас же позвонишь своему начальству и скажешь, что я умер. Утонул в болоте! Упал с горы! Да всё, что угодно! И их ненаглядный кропус тоже мертв! Сдох вместе со мной!

Лицо Адама омрачилось озадаченностью:

– Хм, так не пойдёт.

– Боишься, что начальство отругает? – пакостно хихикнул Ацель. – Или так сильно привязался к этому пушистому засранцу? Пятнадцать минут, – напомнил он, выстукивая по запястью секунды.

– А что если я... заставлю тебя дать мне противоядие силой? – Адам наступательно шагнул, уничтожив усмешку на губах огона.

Ацель взял шприц в руки, угрожая:

– Ещё шаг, и я вылью противоядие! И тогда мы оба останемся ни с чем! О да, конечно, после всего, ты сможешь всласть помучать меня и даже убить, если захочешь, вы же любите пускать кровь, не так ли? И ты, определённо, одержишь победу, тебя повысят и всё такое. Но какой ценой, ксионец? Какой ценой?

Ацель ожидательно умолк, расхрабрившись на косую улыбку, когда Адам остановился.

– Ну и каков твой ответ? Пятнадцать минут – это я ещё округлил, знаешь ли. Она может умереть и через пять...

Ацель нагнетал обстановку. А Адам всё сильнее мрачнел. Однако он уже сделал свой выбор. Сделал с самого начала, и медлил только потому, что не был уверен в том, сколько правды в словах космического пирата. А что если Ацель блефует? Что если нет никакого противоядия? Какой трюк выкинет огон в следующую минуту?

Габриэль слушала их речь, но не разбирала слова. Адам и Ацель общались на странном языке, очевидно – неземного происхождения. Часы на запястье Адама засияли, спроецировав в воздухе небольшое окошко с зелёной кнопкой вызова над анимированной эмблемой с планетой, которую пересекал напололам диск, и нечтом вроде искусственного спут-

ника на ее орбите. Планета была близнецом Земли. «Наверное, это и есть Ксион, – промелькнула у Габриэль догадка, – дом Адама». Девушка чуть сместила взгляд и встретилась им со странно-фиолетовыми глазами. Адам смотрел на неё, печально улыбаясь, так, будто хотел запечатлеть её лицо у себя в памяти. «И что он, черт возьми, тебе наговорил? – кричала Габриэль изнутри, и сердце её разрывалось на части. – Даже не вздумай идти на поводу у этого негодяя! Спасай Пенни! Это тело всё равно не моё, я не умру, умрёт другая Габриэль! А на неё мне наплевать!»

Свет часов померк, и тьма вновь затопила пространство, лишив Габриэль возможности наблюдать за событиями. Изредка, в уголке глаз что-то сверкало, и это точно был не ее фонарик. Какой-то скользкий, докучливый огонек, подглядывающий за ними, но не вмешивающийся. «Быть может, там держат Пенни?» – спросила Габриэль свои мысли.

– Я выполнил твое условие, – сказал Адам, демонстрируя пустую ладонь.

Ацель крутанул шприц в руке, выделяясь, и кинул его ксионцу, хмыкнув, будто делает одолжение.

Адам впрыснул противоядие в плечо Габриэль. Эффект стал заметен сразу – девушка сумела пошевелить пальцами, а хмурые брови сползли ещё ближе к переносице.

– Уж не знаю, что ты сделал. – Слабая пощёчина настигла лицо пришельца. – Но точно ничего хорошего!

То, что Габриэль, нашла в себе силы драться, будучи ещё

под воздействием яда, было благоприятным знаком. Радостный, Адам скорее привлек ее к груди.

Габриэль, ввергнутая в оцепление, но, отнюдь, не из-за яда, ощущала биение чужого сердца, как будто бы оно билось внутри неё.

– Прости, – изрёк Адам с чувством и замолчал.

После последнего укола, который Пенни получила уже в «темнице» (из-за непреходящих сумерек и сонливости ей не удалось дать этому месту более конкретное наименование), не успев толком очухаться от первой дозы снотворного, она решила учиться на своих ошибках. Притворяясь, что спит, девушка сначала просто слушала, чтобы грубыми штрихами обрисовать в своём воображении местность и вникнуть в положение, в каком находится, а также вызвать в памяти момент похищения. Человека, затащившего её в машину, было толком и не разглядеть. Вспоминались лишь чёрные перчатки и жесткие ткани пальто, которые Пенни кромсала ногтями на нити в потуге вырвать себе свободу. От него исходил запах искусственной кожи, металла и свежего, но горького антибактериального средства.

Позволив сознанию очиститься от ошметков сна, Пенни рискнула одним глазком подсмотреть в темноту. На полу, заметенном землёй, теперь лежал по направлению к стене желтый фонарь. Тёплый оранжевый свет, ударяясь о голый красный кирпич, рассеивался бледной позолотой под арочными

ходами, не достигая угла, где сидела пленница.

Возле одной из арок стояла низкорослая фигура в чёрном свитере, синих джинсах и белых кроссовках, выпачканных в свежей грязи. В ней нельзя было не узнать одного из похитителей – Эдварда Лэйда. Прислонившись к стене, вцепившись в край обеими руками, увлечённый криками мужских голосов, он выглядел напряжённым.

Конечности Пенни были умело повязаны верёвками, а на плечах у неё висела синяя куртка, пропахшая дешёвым мужским одеколоном.

Тем не менее, впадать в панику, она не стала.

– Он обманывает тебя, Эдвард. – Голос Пенни был слишком нежен и звучен для человека, который несколько часов прибывал в глубоком забытье от снотворных препаратов.

Эдвард обернулся, выпучив на Пенни большие серые глаза, точно зашуганный щенок. Он по привычке нагнулся к коробке со шприцами.

– Не надо, Эдвард. Пожалуйста! – тихо взмолилась Пенни, давя на жалость. – Мне очень плохо и больно от этих препаратов. Я не буду кричать. Обещаю.

Эдвард замешкался. Когда Пенни была в сознании и так жалобно смотрела на него, направить на неё иглу было сравни преступлению.

– Прошу.

Эдвард оставил шприц нетронутым. Осторожно, словно имея дело с замотанным цепями тигром, он подошёл к Пен-

ни и предосудительно взглянул на неё сверху вниз, вынуждая себя быть бесчувственным и холодным.

– Не думай, что сможешь промыть мне мозги, – сказал он надрывно. – Я не позволю тебе украсть разум Пенни.

– Прости, Эдвард, – вздохнула та, поняв, что влияние огона на Эдварда больше, чем она думала, – но, боюсь, тебе уже и без меня мозги промыли. Пришелец, с которым ты связался, – преступник, расхититель и убийца.

– Глупости! Ацель – мой друг.

– Ацель? Так вот, как его зовут, – задумчиво потупила глаза Пенни. – Красивое имя. Чего не скажешь о его поступках.

Эдвард закрыл уши ладонями:

– Ацель предупреждал, что ты будешь нести всякую чушь! – выдал он.

– Твой Ацель убил профессора Нортон в его собственном доме!

– Профессора Нортон? – Эдвард, разумеется, был в курсе смерти известного профессора. – Сотворить из смерти публичной личности, прославившейся благодаря любви к научной фантастики и метафизики, сенсацию во время шумихи с крушением НЛО – очень по-человечески! С чего мне вообще верить в эту байку?

– С сегодняшнего дня – это не байка, Эдвард, а официально задокументированное первое в истории убийство человека от рук инопланетян.

У Эдварда возникло желание проверить слова Пенни в интернете, но в каменных катакомбах сеть не ловила.

– И зачем я с тобой разговариваю? – разозлился он, несколько на Пенни, а сколько – на себя. – Помолчи лучше. А будешь болтать...

Пенни прислонилась плечом к стене. Растрёпанные локоны рассыпались ей на лицо.

– Что ж, поступай, как знаешь, – перебила она его безучастным тоном, всё же тая в сердцах надежду, что сумела посадить внутри него семена сомнений.

Шли секунды, а Адам всё не отнимал рук со спины Габриэль.

– Я вам не мешаю? Может мне уйти? – разрушил их идиллию Ацель.

– Можешь стоять? – спросил Адам.

Габриэль кивнула. С помощью прищельца ей удалось встать и даже самостоятельно держаться на ногах с опорой на арочную стену. Девушка осветила лицо Ацеля, но тот отреагировал на свет спокойно, не как Адам. Вероятно, технология, посредством которой огонь видел в темноте, отличалась от той, какой были модифицированы глаза ксионца. Дело в черных очках?

– Где Пенни? – Теперь Адама не сковывали условия.

Ацель хлопнул в ладоши, гортанно смеясь:

– Поздравляю! Мы перешли ко второму туру нашей игры,

где малышка Пенни Уоткинс будет главным призом! Интересно услышать задание, ксионец?

Адам презренно хохотнул:

– Я больше не играю в твои игры. Можешь не говорить мне, где Пенни, я сам её отыщу.

– Откажешься играть – Пенни умрет.

– Нет, – смело отрезал Адам. – Не умрет.

Ацель помрачнел:

– Откуда такая уверенность?

– Сейчас Пенни с Эдвардом, не так ли? Даже если ты каким-то образом отдашь ему сигнал убить её, Эдвард не пойдёт на такое. Он не станет убивать девушку, которую любит. А тебе я не позволю добраться до Пенни. Я поймаю тебя раньше. – Под ногой Адама как тревожный сигнал переломилась гнилая доска.

Ацель незаметно для всех выудил из рукава дротик и сковырнул с него силиконовый наконечник.

– Я разочарован, – щелкнул он зубами, и отравленная игла просверкнула во мраке. Адам поймал дротик двумя пальцами, превзойдя самого себя.

Всё случилось так молниеносно, что Габриэль проморгала момент. Она лишь видела, как в руке Адама что-то блестит, как огонь, окоченевший, завис на месте.

– Хорошая попытка! – Адам уронил скучный взор на отравленный дротик. – Почти попал. Попробуешь ещё? Может второй раз не промахнешься. Вот только, в любом слу-

чае, твои яды на меня не подействуют. Наночастицы в моей крови имеют устойчивость ко всем ныне известным в галактиках X-zer видам ядов. Не думаю, что ты сможешь меня чем-то удивить!

Неустойчивыми шагами Ацель отступал назад. Он не спускал с Адама глаз, но видел перед собой другое лицо: с длинными охристыми как песчаная пыль волосами, острыми скулами, пунцовым кровоподтеком от нависающих бровей до щеки, с бездушной улыбкой на острых, что серп, губах. И хотя с Адамом у него не было сходства, Ацель вспомнил его по усмехающемуся взгляду, что сейчас был устремлен на него.

Ацель не уследил за собой – споткнулся о каменную ступеньку, ведущую под чёрный купол потолочных сводов, где, вероятно, располагался вход в какой-то подземный туннель. Под его весом взметнулась пыль от стёртых временем камней завалов и осколков витражного стекла. Ацель сник, сжимая в один кулак слой земли, во второй обрез стекла, и выгадывая расстояние между собой и врагом, пока последний приближался – приближался всё смелее, посчитав, что победил.

Хотя Ацель и был охвачен страхами прошлого, свою ненависть к «Терра» любовно берег ради мести. И именно по её воле, его локти не сгибались, держа дрожащее тело на весу, а сердце взбудоражено тесало рёбра, крича животным зовом: «Убей их всех!»

Горсть земли вылетела из рук Ацеля и ослепила Адама. Ксионек был дезориентирован всего четверть минуты, но за это время ситуация кардинально поменялась.

Прочистив глаза, Адам угрюмо вздохнул. Габриэль была в руках Ацеля, а её горла касался осколок.

– Какая бойкая девица! – отчитал огонь Габриэль, когда та начала лупить его пяткой по коленям и обливать ругательствами.

– О, да ты говоришь по-английски! – желчно воскликнула та, поднимая взгляд, чтобы насладиться выражением боли на лице огона от её беспощадных пинков.

– Уйми свою ведьму, ксионек! – цокнул Ацель. – Вот сорвётся рука, и порежу её раньше времени!

Из-за Габриэль Ацель неосознанно перешёл на английскую речь, и Адам не мог упустить шанс воспользоваться этим против врага.

– Так ты убьёшь её? – намеренно громко переспросил он на языке землян в надежде, что Эдварда проймут эти слова.

Габриэль просекла фишку Адама, проследив за его взглядом – Эдвард стал слишком приметным в своей растерянности. Она подыграла:

– Что ему стоит убить меня, если он убил профессора Нортон?

Ацель фыркнул, приструнив девушку нажимом осколка на кожу.

– Вот именно. Если думаешь, разбудить во мне совесть,

то напрасно.

– Какой тебе прок убивать Габриэль? – смотрел Адам на того исподлобья. – Ты ничего от этого не получишь. Только обретёшь себе смертельного врага.

– Мне нравится этот огонёк ярости в твоих глазах, кси-онец! Могу представить, что ты сейчас чувствуешь, глядя, как... – Ацель зло улыбнулся, сдавив осколок и заставив тонкую струю крови покатиться вниз по шее Габриэль, – дорогое тебе существо... истекает кровью.

Брови Адама дернулись, а кулаки затвердели.

Ацель же вдруг разразился обезумевшим смехом.

– Я мечтал об этом с того самого дня, когда вы отняли у меня Онгэ!

– Убийство разумного существа на планете пятого уровня карается смертной казнью. Если я зафиксирую твоё преступление, тогда мой рапорт аннулируют, а за тобою пришлют рейнджеров и других агентов. Они тебя не пощадят. Неужели тебе мало свободы, что я предложил тебе?

– Я никогда не буду свободен! Прошное – моя клетка! Я должен был умереть давным-давно... вместо Онгэ!

– Чёртов псих! – прохрипела Габриэль с отвращением.

Но Ацель так обезумел, что ему уже было на всё наплевать. Он смеялся, но казалось, что его била судорога. Этот приступ длился до тех пор, пока ему в спину не воткнулась игла.

От неожиданности Ацель закашлялся, его руки ослабели,

и Габриэль метнулась на землю с удивлением уставившись на развёртывающуюся сцену.

– Ты как? – Адам поторопился подобрать её за плечи и поставить на ноги.

Габриэль растирала горло:

– В порядке. Вроде бы.

– Эд... вард? – выдавил из себя Ацель, обрушиваясь на колени в навалившемся на него бессилии. Он с трудом выдрал из спины иглу, поглядел на нее изумленно, после чего упал, примкнув щекой к пыльной земле. Одолеваемый сном, он смотрел на Эдварда и негодовал: «Как так вышло?»

Глава 6. Оправдания

21 июня...

Ацель дважды за ночь приходил в себя, но оба раза его тотчас же затягивало обратно в сон. Иногда ему просто казалось, что он просыпается... просыпается ребенком на космическом корабле капитана Онгэ, его команда живет всех живых, обсуждает за крепким алкоголем удачное дельце с кражей драгоценных металлов, разгром временного межпланетного посольства внутри галактики Спруд и политическое положение трёх планет-держав, из-за которых, собственно, и началась война – Б'орокка, В'исы и Д'арбеса. А он, мало что понимая, сидит и жуёт жёсткий кусок мяса с кровавой серединой.

Но всё проходит, неизбежно наступает конец. И жизни, короткой как сон, и снам, длинной в целую жизнь. Преследующий Ацеля кошмар о смерти Онгэ вышвырнул его в реальность. На секунду он и думать забыл, что проиграл Адаму и его компании человеческих детишек, предательство Эдварда тоже вылетело у него из головы. Поэтому, обнаружив себя на полу в пустой комнате, он испытал единственное желание размять руки, когда внезапно понял, что не может свободно ими шевелить.

– Какого?.. – выругнулся он, осознав, что прикован наручниками к батарее.

Эдвард, который, как был в одежде, так и задремал, разбуженный громохотом наручников о батарею, вскочил с кровати столь резво, что с минуту перед глазами мазали тёмные пятна.

За окном ещё толком не рассвело. Во всю горел ночник, но в оттенках, окрасивших пространство комнаты, ощущалось блеклое, стывшее, но все-таки утро понедельника.

Ацель был заперт в соседней комнате, где Эдвард хранил всякую всячину. Юноша мечтал обустроить там себе что-то вроде домашней музыкальной студии, но его идея давно растворилось в небытие. Помещение оставалось бесхозным, а пыль здесь обволокла каждый сантиметр, что добавляло пыточной эстетики для чистоплюя Ацеля.

– И как это понимать? – насел пришелец на вошедшего Эдварда с обвинениями. – Освободи меня!

– Прости, но не могу!

Эдвард нашёл большую коробку с журналами о супергероях, которые когда-то коллекционировал, пододвинул её к окну, и уместился на неё сверху как на стул.

– Почему я в наручниках?

– Потому что ты преступник, а преступники должны быть в наручниках.

– Где ты их вообще достал?! И почему они... розовые?

Эдвард убрал волосы за ухо, неловко вздыхая:

– Это наручники миссис Уоткинс. Даже знать не хочу, откуда они у нее!

– Я так понимаю переубеждать тебя в том, что я не злодей – смысла нету?

– Верно. – Эдвард опер голову на кулак, щурясь, будто его одолевала сильнейшая мигрень. – Ты убил профессора Нортон. И угрожал мисс Феннис.

Ацель отмолчался, что заставило Эдварда выпустить раздосадованный вздох.

– Признаешь свою вину?

– Это тебя твои новые друзья попросили устроить мне допрос? – язвительно хмыкнул пришелец, повиснув на наручниках, точно убитый.

– Да, но я сам заинтересован в том, чтобы узнать правду.

– Хм, тогда готовь пыточные инструменты, Эдвард.

– Это ещё зачем?

– Затем, что я скажу тебе правду только под пытками. Что, Эдвард? – сверкнул мерзкой усмешкой Ацель. – Первый раз? Ну ничего-ничего, рано или поздно все через это проходят.

– Ну у тебя и шуточки, конечно, – не оценил юмора тот. – Как думаешь, почему ты в моём доме?

– Потому что на тебя свалили всю грязную работу, а ты по доброте душевной не смог сказать «нет»?

Эдвард понимал, что все высказывания Ацеля – замаскированная под сарказм голая ярость. Потому на вопрос он ответил серьёзно – специально, чтобы не проминаться под злословные речи, призванные задеть его за живое:

– А вот и нет. Я сам попросил об этом мистера Дэвисона.

– Мистера Дэвисона? – с омерзением на лице переспросил тот.

– Адам Дэвисон – имя агента «Терра», которому ты проиграл.

– Но ты ведь в курсе, что это фальшивое имя?

– Уж лучше фальшивое имя, чем фальшивая дружба.

От этой реплики Ацеля сразил смех.

– Как трогательно! Какой же я подлец! Не оправдал твоих ожиданий. Даже интересно, какая будет твоя первая попытка для меня?

– Ты сбил меня с мысли. – Эдвард снова завздохал.

– О, ну прости!

– Я решил присматривать за тобой, как раз потому, что не хочу, чтобы тебе делали больно.

– Как жаль! А я бы подсказал тебе пару-тройку способов разговорить меня. Как насчёт линчевания? Думаю, я расколую уже после третьего куска плоти, что ты отсецешь от меня. Экономлю твоё время. Может передумаешь?

Эдвард провёл ладонью по лицу, стараясь стоически вынести излившийся на него бред. Это превращалось в настоящее испытание. От сцен насилия, которые продолжал живописать во всех подробностях Ацель, нервы юноши в конечном счёте сдали.

– Я вижу ты не настроен на конструктивный диалог! – воскликнул он весь на взводе. – Что ж, предоставлю тебе возможность побыть наедине со своими бредовыми фантазия-

ми и уgomониться. У нас ещё есть время до вечера!

– А? И что будет вечером?

– Вечером придёт мистер Дэвисон.

– О-о-о, мой мучитель! Как здорово!

– Никто не будет тебя мучить, Ацель! – вспыхнул Эдвард, стреляя горящим взглядом на пришельца, чья клоунада уже ни шла ни в какие рамки. – Но твоя судьба напрямую зависит от того, готов ли ты сотрудничать с ним. Поэтому, будь добр, прекрати строить из себя клоуна и посиди поразмышляй над своим поведением.

Эдвард с достоинством покинул комнату, а дверь запер на ключ. За сегодняшнее утро он вздыхал больше, чем за всю предыдущую жизнь. Вот и сейчас с его губ сорвалась бессловесная досада.

Измученный и усталый он спустился на кухню, чтобы заварить кофе. Пил он его очень редко, сугубо в те дни, когда мозги совсем не выдерживали, но их всё равно надо было как-то включать.

Распивая горький напиток (молока, чтобы разбавить горечь в холодильнике не отыскалось), Эдвард сочинял отмазку, которую скажет своему начальнику, чтобы не выйти на работу. Директор магазина хоть и был мужичком сердобольным, почитающим добросовестный труд и усердие, в чем никогда не разочаровывал юноша, но он также был строг, требователен и неимоверно криклив.

Весь этот час, затраченный на рутину, Ацель гремел бата-

реей и причитал о своих страданиях, а когда на те не отвечали – начинал браниться как черт. У Эдварда от его проклятий завяли уши.

Он несколько раз заглядывал в комнату, если там хоть ненадолго взрастала тишина, но каждый раз встречался с одним и тем же: Ацель просил его освободить, а получая отказ – впадал в буйство.

Эдвард даже пытался раздобрить пришельца едой, но тот просто-напросто зафутболил ногой поднос, опрокинув тарелку с супом и зачинив бардак по всей комнате. Мясной бульон стекал по обоям жирными каплями, которые вряд ли когда-то ототрут, а осколки разметало по углам так, что Эдвард потратил уйму времени на их сбор. Делать это под издевательскую ухмылку Ацеля было отвратительно!

Единожды пришелец сам позвал Эдварда в комнату – ему приспичило справить нужду. Но пластмассовое ведро его, конечно же, не удовлетворило.

– И как я по-твоему буду это делать? – вякнул он, униженный такой необходимостью со стороны Эдварда.

– Как хочешь! – Эдвард хмыкнул и ушел, довольный, что хоть чем-то сумел задеть Ацеля.

Так, в криках и громыханиях, прошла половина дня. Эдвард уже жалел, что взял на себя такую ношу. Он хотел, чтобы Ацель сознался во всем по-хорошему, в душе желая оправдать его, потому что не мог выкинуть из своей жизни свою дружбу с ним.

К четырём часам дня, прикорнувший в кресле Эдвард, как это ни странно, проснулся из-за тишины, которая проникала во всё окружающее подобно долгожданному штиллю после нескончаемого шторма.

Эдвард поднялся проверить – всё ли хорошо с Ацелем, и нашел того без движения. Однако пришелец не умер и не спал, потому что среагировал на шаги измененным дыханием.

– Эдвард, – хрипло и тихо произнёс он – контрастирующе для привычного ему тона, – сделай мне одолжение. Пожалуйста.

Если бы не жалостливое «пожалуйста» в конце, Эдвард может быть и не воспринял бы его серьезно.

– Тебе нехорошо? – забеспокоился он.

– Что за вопрос! – уныло и малоэмоционально воскликнул Ацель. – У меня затекли руки, я в пыльной комнате, униженный и никому ненужный, а через час-другой остатки моего достоинства выбьет из меня мой злейший враг!

Эдвард закатил глаза:

– Ладно, не драматизируй, что тебе нужно?

– В моей поясной сумке лежит раствор для инъекций – жидкость бирюзового цвета. Достань её пожалуйста и набери в шприц, та коробка со шприцами ещё при тебе?

– Ты хочешь, чтобы я сделал тебе укол?

– Да.

Поскольку голос Ацеля шуток не предполагал, Эдвард то-

же отнёсся к заданию ответственно. Он приготовил инъекцию, сам дивясь тому, как легко это стало у него получаться, и с полным непрозрачного раствора шприцом возвратился в комнату.

– И куда колоть?

– Неважно.

– Тогда в руку. – Эдвард закатал Ацелю рукав, продезинфицировал спиртом место укола, и в последнюю секунду спросил: – Это какое-то лекарство?

– Это яд.

Эдвард отпрянул назад, роняя шприц на пол.

– Ты хотел, чтобы я тебя... убил?! Ты в своём уме? – завопил он, хватая воздух ртом в удушающем ужасе. С трепыхающимся в груди сердцем, немеющими руками, Эдвард закрыл шприц колпачком и отложил его на коробку, чтобы не нарваться на иглу. Слезоточащими глазами он смерил безразличного Ацеля:

– Зачем ты так со мной? Мы же были друзьями!

– Друзьями? – Из-за того, что пришелец цедил слова сквозь зубы, казалось, что он не говорит, а рычит. – Я просто использовал тебя, вот и всё! Ты тряпка, Эдвард, и я вытер об тебя ноги!

Эдвард не мог отойти от шока.

– Но как же... Почему ты тогда... заступился за меня в колледже?

– Я купил твоё доверие, чтобы тобой было проще мани-

пулировал. Я думал, ты это уже понял.

Эдвард поднялся и, безмолвствуя, зашатался к выходу, но до двери не дошёл. Отвернувшись, чтобы обмакнуть слезы рукавом, он почему-то издал смешок. Для Ацеля эта реакция была такой неочевидной, что он вскинул на Эдварда взгляд негодования.

– Ты такой же, как все, Ацель, – обвинил тот его, оглянувшись, чтобы всмотреться в бессовестное лицо пришельца. Сквозь свою трагедию Эдвард выглядел по-настоящему разъяренным. Ацель будто впадал в опалу последнего того светлого, что было при нём. Он и не предполагал, что милостивые и добрые глаза Эдварда могут раскалиться так, чтобы прожечь в его сердце кровавую рану. Ацель слушал правду о себе, и в словах не находился.

– И как я мог быть таким идиотом? – Эдвард усмехнулся – болезненно и мрачно, а затем голос его треснул от гнева. – С чего вдруг я решил, что ты лучше других? Что ты в самом деле захочешь быть моим другом? Всем всегда от меня что-то надо! Почему в мире живут одни эгоисты, а, Ацель? Почему нельзя быть хотя бы чуточку благодарным за то, что люди делают для тебя? Почему я твою доброту ценю, а ты мою нет? Почему я готов защищать тебя перед законом, зная, что ты виновен по всем пунктам, лишь за то, что ты однажды был – как я верил – добр ко мне? А ты не можешь просто взять и обсудить всё по-человечески, без кривляний и драмы! Ты даже не пытаешься себя оправдать! Да что, черт побери, с

тобой не так, Ацель? Кто ты такой? Ради чего ты живёшь? Какой смысл в твоей жизни? Быть мудаком ради того, чтобы быть мудаком?

– Эдвард...

– Заткнись! Умоляю, заткнись! Все твои слова – пустой звук! И знаешь что? – Эдвард едва не скрутил дверную ручку, вцепившись в неё всей пятерней. – Иди ты к чёрту, Ацель!

Он вымахнул из комнаты, не удручая себя тем, чтобы затворить дверь. В любом случае, его руками ключ вряд ли бы вообще вошёл в замочную скважину.

Со шприцом яда Эдварда повлекло на кухню. Там он оголил себе предплечье, наметившись иглой в свою исполосованную шрамами кожу. Он пристроился один раз, второй, будто в поиске лучшей позиции, но в реальности – отводил так от себя смерть. Поняв, что сделать этого с собой не сможет, обозленный на весь мир Эдвард закричал, сметая со стола всё, что было.

Ацель сидел в своей комнате, слушая, как в криках бьётся посуда, и не мог полноценно ни вдохнуть, ни выдохнуть.

Но принявшая на себя удар домашняя утварь не смогла усмирить урагана чувств, и Эдвард потянулся к коробке с лабораторными принадлежностями Ацеля, собираясь выместить злость на том, что пришелец так сильно любил. Он стиснул ножку микроскопа, с жаром замахнулся, но на том и обмяк. Злость сменилась горечью обиды, горестью неоправ-

давшихся надежд, обваливающихся на него, как карточный домик. Спрятав лицо в ладонях, Эдвард беззвучно заплакал на полу.

Где-то через пол часа Ацель позвал его, прося принести ему воды. Как бы не был обижен Эдвард, за водой он сходил.

– Может поднесешь поближе? – испуганно улыбнулся Ацель, когда стакан был равнодушно возложен чуть ли не в метре от него.

Эдвард, не производя ни звука, подобрал стакан и, во имя мести, опорожнил его прищельцу на голову.

– Достаточно близко?

Ацеля передернуло от неожиданно морозного прикосновения кубика льда, кольнувшего за шиворотом рубашки.

– Что ж, я заслужил, – промолвил он, позволяя студеным каплям течь, куда заблагорассудится. – Постой.

Эдвард, вознамерившийся уйти, резко замер.

– Мне не нужна была вода, – сознался Ацель. – Это был предлог, чтобы ты пришёл. Я хочу поговорить с тобой, Эдвард.

– М, а я не хочу.

Ацеля встрепенул дребезжащий звук поворачивающейся дверной ручки.

– Я... я заступился за тебя, потому что... – Он запинаясь, боясь сказать что-то неправильно, – потому что... ты напомнил мне меня, когда я был юн. – Отдышавшись, Ацель уставился на Эдварда, обольщаясь на добрый ответ.

Но Эдвард только пренебрежительно хмыкнул:

– Оставь свои сказки для другого дурака, Ацель.

Дверь скрипнула, и для пришельца это был приговор.

– Сними с меня очки! – воскликнул он. – Я покажу тебе кое-что. Может быть после этого ты захочешь меня выслушать. – Ацель довершил мысль спокойнее, будто выдохшись, поскольку цель его была достигнута – Эдвард смотрел на него глазами, в коих разыграло острое любопытство.

После коротких раздумий, Эдвард уселся подле прикованного к батарее Ацеля, простирая руку к чёрным стёклам очков, в отражении которых видел себя и свой необоримый страх перед тайной. Сердце его подпрыгнуло, когда Ацель отвернул лицо, будто и сам страшился раскрытия.

– Прости, – на всякий случай извинился Эдвард и снял очки с переносицы пришельца, чувствуя сокровенность момента. Явившееся взору, заставило его осесть на пол – глаза Ацеля были мутными как снег. – Ты... слепой...

– Не... не надевай очки! – предугадал тот желание Эдварда. – Слепнешь.

Эдвард протяжно выдохнул, будто держал в руках бомбу, которая могла взорваться от резкого движения.

– Эти очки – высокотехнологичная разработка народа Виса, – пояснил Ацель на позитивных тонах.

– Виса?

– Это такая планета. В моей галактике.

– Как они... работают?

– Концентрируют свет на линзах и проецируют его на сетчатку глаза. Благодаря ним я различаю формы и немного цвета. А ещё вижу одинаково хорошо в темноте и при свете дня! В каком-то смысле эти очки, эм-м, мои «наружные глаза»? Не, паршиво звучит. Забудь.

Наблюдать лицо Ацеля, неприкрытое непроницаемыми стёклами, было странно. Без них он выглядел не столь круто и мрачно, но Эдварду так даже больше нравилось.

– Почему ты мне показываешь... это?

Ацель ответил провинившимся смешком:

– Это знак того, что я доверяю тебе, Эдвард.

– С чего это вдруг?

– Не думаю, что я вообще заслуживаю друга, и уж тем более – такого, как ты, но... – Ацель повесил голову, отвлечённый своими сомнениями.

Эдвард подтолкнул его к мысли:

– Но? ...

– Но я хочу попытаться.

Глава 7. Чудовище и ведьма

– Сочувствую. Как-никак ты тесно дружила с ним. – С экрана ноутбука на Габриэль смотрело замыленное лицо тёти Мэй. Женщина была так возбуждена новостями из родного города, что совсем забыла про своё правило номер один – «не хмурить лицо». – Старик стал жертвой очередного политического заговора. Это же надо так промыть людям мозги! Переключили внимание на сказочку про инопланетян, а сами, поди, строят свои козни против народа! Чем-то профессор Нортон им, видать, не угодил, раз они решили его убрать. Наверное, своим длинным любопытным носом сунулся в правительственные дела. И с чего всё началось? С Энтони Хопкинса и его победы на выборах! Кто бы мог подумать! Какое совпадение! И пусть только после этого скажут, что он не при чем. Читала я его ксенофобные интервью...

Габриэль, которой не удавалось вставить слово в этот бурный поток возмущений, искривила уголок губы в неуютной улыбке. Как бы она не была счастлива видеть тётушку живой, иметь знакомство с той всё же куда приятнее на расстоянии. Тётя Мэй – скептик, каких поискать, для неё есть лишь одно правильное мнение – ее собственное. Потому-то Габриэль и помалкивала о ВУС, «Терра» и прочем.

Габриэль теснее подоткнула под себя ноги, рассевшись «по-турецки» среди подушек в своей спальне. С самого утра

девушка не вылезала ни с кровати, ни из пижамы, а поскольку тётя Мэй была ещё также и эстетом, внешний вид племянницы её смущал, о чем она не преминула заявить:

– Габриэль, скажи-ка мне, какой сейчас час?

– М-м, почти три часа дня, а что? – не замечала подоплёки та.

– Вот то-то и оно. Три часа, а ты ещё в пижаме и, готова поспорить, в зеркало не смотрелась! Ты ищешь работу или решила податься в тунеядство? И не закатывай мне тут глаза! Понимаю, ты в трауре, но теперь, когда профессора Нортоня не стало, у кого ты будешь брать «взаймы»? У «инопланетян»? Что-то я сильно сомневаюсь! Если ты потеряешь родительский дом, я не знаю, что с тобой сделаю! Будешь жить на улице! Пускай тебя кормит «Бог бездомных»!

– Я найду работу. Клянусь. Просто мне пока... не до этого, – пыталась отвертеться Габриэль, сама понимая, как банально звучит. Стоит ли убеждать тетю, что есть вещи поважнее работы. К примеру, спасение Станвелла от неминуемой гибели!

Тётя Мэй издала неодобрительный вздох и взбила себе чёлку, которая непослушно опадала в объеме и липла на лоб – из-за жары посетившей Линдс.

– Что же за важные дела такие?

– Ну...

– Ты умеешь отвечать без закатывания глаз? Сперва придумай ложь, дорогая, а потом уже её озвучивай!

– Сейчас начнётся! – пробормотала та, оставшись не услышанной.

Когда тётя Мэй заводилась, её не могла заткнуть ни одна существующая сила в мире. Все суждения на таком тоне стабильно сводились ею к теме, которую Габриэль всячески избегала.

– Ты никогда не выйдешь замуж! – раздалось из динамика ноутбука, вынуждая Габриэль прибавить громкость радио, из которого фоном играли захватившие топы всех музыкальных чартов Великобритании всемирноизвестные «Go, furries!» Мии Донсон.

– Дай бог, что б так и было! – съязвила Габриэль, воспользовавшись своеобразной способностью панк-музыки топить в себе окружающие звуки. Если бы ее изречения достигли ушей тётушки – конец света наступил бы уже в следующую секунду, и причиной тому стал бы взрыв возмущения.

– Он тебе звонил? – задала тетя Мэй вопрос, подразумевающий конкретного человека – бывшего жениха Габриэль, помолвка с которым была разорвана из-за Великой Утренней Случайности.

– Кто «он»?

– Как кто? Майкл!

– Какой... а-а... Майкл!..

– Ты забыла о своём женихе?

Габриэль набрала в рот воздуха, чтобы не сказать лишнего, и затем извергла его наружу со своим внутренним раз-

дражением, до селе более-менее скрываемым от прозорливой тётушки. Она и думать забыла об этом «Майкле»! Его номер телефона был забит в чёрный список сразу после того, как сам «жених» был послан в максимально грубой форме в недлительном телефонном разговоре. Но как объяснить это тётушке?

– Вообще-то, мы расстались, – выкрутилась Габриэль.

– Нет, дорогая, так просто связи не обрываются! Всё уже было готово к твоей свадьбе. Ты говорила, что любишь его! Как всё могло так перевернуться за одну ночь?

– Хотелось бы мне знать...

– Вот и мне тоже! Ты сама не знаешь, чего хочешь!

Габриэль не сдержалась и повысила голос:

– Я ничего не хочу! За эту неделю на мою голову столько всего свалилось, что моё единственное желание сейчас – уснуть и проснуться и в другом мире, где нет никаких проблем!

– Не бывает жизни без проблем!

– Ну и к чёрту тогда её, эту жизнь! Всё, тётя, пока! Я отключаюсь!

Ноутбук сложился, обрезав сопутствующий придыханием ответ тёти Мэй.

Габриэль уткнулась носом в голые колени, в пол уха слушая интервью Мии Донсон на радио.

Певица рассказывала о том, что на новый альбом её вдохновил случай с крушением НЛЮ, и, если пришельцы не за-

хватят мир до начала тура «Фурри пришли с миром!», они, непременно, посетят Станвелл с концертом.

Мия Донсон, несомненно, переживала пик своей популярности и прекрасно это осознавала. В сингле «Рептилия», она выступала с претензией к государству, чем учинила скандал мирового масштаба. Со дня тринадцатого июня её лицо светилось на первых полосах всех газет, затмив реальные события с НЛО. «Go-go, furrries!» не просто ходили по тонкому льду, они отжигали на нём – по-дикарски. Не удивительно, что эти ребята во главе с бунтаркой-солисткой стали кумирами молодёжи!

Габриэль издала стон: она ведь и в самом деле неудачница без работы, а то, что в личной жизни у неё неполадки – давно обнародованный факт. Если тебе тошно наедине с самим собой, то о каком семейном счастье идёт речь? Её компанию выдержит только психиатр, да и то лишь потому, что ему за это заплатят.

Вспоминая о том, как жизнерадостная и здоровая женщина в одночасье ушла из жизни, Габриэль всё больше загонялась виной. Тётя Мэй умерла в столь же обычный будний день, как этот, – через ничтожные минуты после тяжёлого разговора с племянницей.

Со щемящим сердцем Габриэль набрала на телефоне СМС «Прости. Береги себя, тетя!», нажала «отправить», и ей будто бы полегчало.

Адам Дэвисон зондировал свежие новости, что напрямую или косвенно имели отношение к ВУС, когда с лестницы к нему сбежала Габриэль, одетая к выходу.

– Адам! – окликнула она его сзади. – Ты уж как хочешь, а я пошла допрашивать огона!

Адам свернул все голографические экраны, будто вкладки на компьютере, и поднялся с дивана:

– Мы же договорились подождать Уоткинсов... – Он так свыкся со спонтанными желаниями подружки, что не испытал удивления.

– Да, помню, но как-то мне тревожно знать, что убийца профессора Нортонa весь день будет находиться под надзором ребёнка. Ты не думаешь, что это м-м... мега-рискованная стратегия? К тому времени, как Пенни и миссис Уоткинс вернутся с работы – огонь может наделать дел.

Волнения Габриэль были объяснимы, и Адам знал, что рано или поздно, девушка поступит наперекор его планам.

– Честно говоря, я жду вечера не только из-за Уоткинсов, – признался он, встречая на себе полный укора взгляд Габриэль. – Я дал Эдварду секретное задание.

– Какое такое задание?

– Видишь ли, Ацель до смерти ненавидит меня за то, что я член организации. Со мной он говорить не станет.

– Допустим. Но как это мешает провести допрос мне?

– Не обессудь, Габриэль, но твоя эмоциональность может всё погубить. Чтобы допрашивать преступника нужно об-

ладать стальными нервами. Если уж Эдвард сумел завести дружбу с таким, как Ацель, полагаю, терпения ему не занимать.

– А если?..

– Нет, никакого насилия!

– Но он же убийца!

– Пока только на словах. Нельзя выносить приговор, не располагая доказательствами.

Рюкзак шмякнулся в ноги Габриэль бесформенным мешком.

– Надеюсь, ты знаешь, что делаешь, Адам.

Предчувствие Габриэль не подвело. Она зачертыхалась уже с порога квартиры на Волкер-стрит, где держали плененным убийцу профессора, потому что прочитала в глазах Эдварда, открывшего дверь ей и её товарищам, нечто вроде сокрытого извинения вперемешку со страхом быть непонятым.

Ворвавшись поочередно во все комнаты и обнаружив Ацеля свободного от оков, Габриэль обомлела:

– Какого черта здесь происходит?

Пришелец разлегся на кровати в спальне Эдварда и слушал музыку в наушниках, дирижируя рукой в такт мелодии. Другую занимал яблочный сок.

Ацель приветствовал гостей недружелюбной ухмылкой:

– Вы припозднились. – Он пригубил сок через трубочку; допив остатки, потряс упаковку, проверяя – действительно ли та пуста, после чего кинул ее – будто спонтанно – в на-

правлении Габриэль, услаждая взор вызванной им мстительной искрой в глазах девушки.

– Ещё одна такая выходка, и ты – покойник, – пригрозила та, изо всех сил борясь с намерением разбить мерзавцу очки. – Почему ты здесь?

– Я там же, где и был, – вздернул плечами Ацель, не справляясь со своим внутренним ехидством.

– Ты понял, о чем я!

Габриэль подбочилась, скрипя зубами и выдавая сердитые вздохи:

– Эдвард, тобой снова манипулируют, ты что не видишь этого?

– Я освободил Ацеля по своей воле, – твёрдо ответил Эдвард. – Он не тот, кем вы его считаете! И профессора Нортона он не хотел убивать. Произошла ошибка...

Габриэль прыснула возмущённым смехом:

– О, вот оно что! Произошла ошибка! Конечно, тогда всё нормально! – Она молниеносно перешла на гнев: – Факт здесь в том, что он! его! убил! А уж как он это и сделал и почему – мне плевать! Если бы кто-нибудь случайно, – акцентировала она последнее слово, – убил кого-нибудь, кто тебе дорог, как бы ты отреагировал?

– Я всё понимаю, мисс Феннис! Я же не идиот в конце концов! Ацель – виноват, и вы имеете право его наказать, но сперва послушайте меня! – Эдвард заглотив лёгкий воздух, потому что из-за стресса забыл нормально дышать. – Ацель

родился на планете, охваченной войной. Еще ребёнком его продали в рабство, а затем он был спасён космическими пиратами. Да, Ацель вёл преступную жизнь, но он просто не знает другого способа выживания! Возможно, если дать ему шанс...

– Так ты решил его перевоспитать? – Габриэль насмешила такая наивность. – О, Эдвард, люди не меняются! Злодей однажды будет злодеем всегда. На злобных инопланетян вроде твоего Ацеля это тоже распространяется!

– Ацель сказал, что по межгалактическим законам за убийство землянина его могут казнить! Я не требую для него абсолютной амнистии, лишь прошу смягчить приговор!

Габриэль открыла рот, чтобы возразить, но ответ Адама заставил её язык присохнуть к гортани.

– Хорошо, я готов рассмотреть этот вариант.

Адам прошёл вперёд, обошёл кровать, будто взгляд под другим углом мог выбелить преступника в его глазах.

– В каком смысле? – У Габриэль упало сердце.

– Я не стану отзываться свой рапорт. Ты сможешь получить свободу, Ацель, но должен будешь помочь мне с одним делом.

Ацель изогнул бровь:

– С каким ещё делом?

– Где мой чемодан.

– Там же, где вы его бросили... на моем звездолете.

Адам одобрительно кивнул:

– Отлично. Мне надо, чтобы ты показал нам дорогу к своему космическому кораблю.

– Ты меня за дурака держишь? – Бескровное лицо Ацеля смялось в ненависти.

– К твоему сожалению, Ацель, теперь условия ставлю я. Хочешь жить – готовься пожертвовать транспортом. Тем более, уверен, что ты украл и его.

Ацель спустил ноги с кровати, твёрдо уперевшись босыми ступнями в пол, и уставился на Адама, словно разъяренный зверь.

– С ним бесполезно говорить, Адам! – раскричалась Габриэль, тоже обуреваемая эмоциями. – Он – чудовище! Он никогда не исправится. Посмотри на него! Он только и думает, как бы тебе шею скрутить!

– Заткни пасть, ведьма! – рыкнул на неё Ацель.

– Что, не нравится, когда тебя называют чудовищем?

– Перестаньте! – не смогла больше выслушивать их брань миссис Уоткинс. – Криками вы к примирению не придёте!

Эдвард был того же мнения:

– Пожалуйста, Ацель, мы же договорились, что ты будешь вести себя адекватно!

– Я веду себя адекватно! – огрызнулся тот. – Но это не продлится долго, если эта ведьма не зашьёт себе рот!

Габриэль холодно рассмеялась. Она жаждала выбесить пришельца, чтобы ещё раз всем доказать – огонь им не союзник! Поэтому на завуалированный посыл замолчать отвеча-

ла со скверным энтузиазмом:

– Давай, продемонстрируй свою натуру, – Габриэль уже уяснила, какое оскорбление режет сильнее всего, и завершила фразу прогорклым: – чудовище!

На счастье Эдварда, Ацель сумел притупить свою злость и в драку не бросился, хотя его пальцы с дрожью врезались в края матраса.

Между Ацелем и Габриэль установилась особая неприязнь, и это могло стать проблемой для всех.

Вопреки заверениям миссис Уоткинс и уговорам Адама успокоиться, Габриэль бесстрашно приблизилась к Ацелю, чтобы продолжить обезьянничать. Личное пространство пришельца пошло по швам, но он честно не спускал с поводка свои эмоции, чтобы вновь не разочаровать Эдварда.

– Ну, ударь меня, ты ведь этого хочешь! – настаивала Габриэль, играючи заглядывая Ацелю в глаза. Но из-за чёрных стёкол сделать это ей не удавалось. Она припомнила, как за просто пришелец смотрел сквозь темноту подвального помещения церкви, и загорелась любопытством проверить свою гипотезу. С лёгкого движения руки очки Ацеля оказались у Габриэль.

Пришелец вскочил, рыча и запальчиво махая руками, чтобы вернуть свое имущество. Он низко пригнул голову и не отнимал взгляда с пола, маскируя за волосами свой изъясн. Эдвард не мог позволить этому продолжаться. Ему было также больно за Ацеля, как тому за самого себя – если

не больше. Представления о том, что пережил пришелец, подкрашивали его собственный опыт переживания издевательств в ещё более мрачные тона.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.